

А. Н. Данилов

Трансформация постсоветского общества : контуры нового мира

Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 167-219

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

А.Н. Данилов

Трансформация постсоветского общества: контуры нового мира

В статье рассматриваются особенности системной трансформации постсоветского общества, проблемы становления новой политической системы, возникновения и борьбы новых политических элит. Приводятся результаты сравнительного анализа трансформационного процесса в Беларуси с другими постсоветскими странами. Автором выделены для самостоятельного анализа проблемы возникновения, особенности развития трансформационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы, осуществлен сравнительный анализ их самостоятельного развития, стратегии проводимых реформ, в контексте мировых политических, социально-экономических и социокультурных тенденций. Анализируются новые тенденции мирового развития, проявившиеся после распада СССР, их истоки и возможные социальные последствия для новых независимых государств. В исследовании выделяются новые тенденции глобального мира начала XXI столетия, место в нем постсоветских стран, их взаимодействие с международными организациями, которые, безусловно, оказывают серьезное влияние на развитие демократии в новых независимых государствах.

Системная трансформация постсоветского общества: особенности и проблемы развития

На рубеже веков проявилась невиданная ранее активность на политическом поле бывших стран социалистического мира. Причин системной трансформации называется много, но еще исторически слишком близки произошедшие перемены и столь неоднозначны их последствия для многих ныне живущих, чтобы делать какие-то однозначные выводы. Мы лишь можем констатировать то, свидетелями чего были сами, опираться на результаты собственных исследований, которые вели последнее десятилетие, на мнение наших коллег.

Трансформационный период в общественном развитии – особая историческая система, в которой обнаруживается своя структура, свое устройство, свои тенденции развития и свои методы регулирования. Трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения. По самой своей сути он нацелен на новое качество явления или системы.

Обычно трансформационный процесс проходит ряд взаимобусловленных стадий:

- переоценка существующего состояния общества и оценка содержания и масштабов кризиса, носящего системный характер;
- социальная диагностика, то есть непредвзятая, объективная характеристика настоящего, его корней в прошлом, возможностей и путей выхода из кризисной ситуации;
- демонтаж отжившей системы, ликвидация ее очевидных несоответствий достигнутому уровню общественного развития и его тенденциям;
- новое самоопределение общества, выдвижение и обоснование путей дальнейшего развития.

Трансформационный процесс состоит из ряда последовательных трансформационных состояний, каждое из которых представляет собой реально достигнутые перемены в конкретный период времени. Трансформацию, охватившую страны Центральной и Восточной Европы, можно определить как системную, затрагивающую весь спектр общественной жизни, политику, экономическую и социальную структуру, духовную жизнь.

С распадом СССР процесс мировой трансформации обрел новые качественные признаки. Мир стал однополюсным, многие международные структуры, созданные в качестве противовесов в конкуренции двух сверхдержав в холодной войне, потеряли свою значимость. На постсоветском пространстве начался болезненный процесс системных изменений – явление глобального порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения. В новых странах кардинально изменились политические и государственные системы, приняты новые конституции. Весь мир некогда застывший, как мертвый вулкан, вдруг проснулся и пришел в движение.

Разумеется, степень демократичности установившегося строя в разных странах различна, она обусловлена как особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, характеристикой управленческой элиты. Изменились экономические основы общества. К настоящему времени практически во всех новых государствах создана правовая база для развития рыночной экономики, хотя и государственный сектор продолжает играть важную роль. Произошла либерализация общественной среды, изменились общекультурный ландшафт, система ценностных ориентаций, социокультурных предпочтений различных социально-демографических групп населения. Произошли перемены в сфере духовных ценностей и приоритетов.

Закономерной чертой трансформационных процессов стала маргинализация части населения. Этим термином обозначается процесс утраты индивидами своей идентификации с определенными социальными общностями и изменение социального положения отдельных групп вследствие их общественного статуса, уровня дохода и т. п. Маргинализация является прямым следствием структурных изменений в экономике и падение

жизненного уровня большинства населения. Массовая маргинализация препятствует быстрому становлению гражданского общества, основанного на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод.

Социальная мобильность в трансформационный период достаточно высока. Немалая часть членов общества быстро, добровольно или вынужденно меняет свои социальные роли, исчезают, возникают или меняют свой статус профессиональные группы. Общество становится более открытым. Социальная мобильность все в меньшей степени зависит от социальных характеристик семьи и в большей мере определяется личностными качествами и уровнем образования индивида.

Неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт. Причем изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергаться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям даже вызвать кризис человека и системы.

Характеризуя изменения в мироощущениях, нужно указать на возрастание чувства личной свободы, которое основывается прежде всего на свободе передвижения и свободе выражения своих политических пристрастий, и одновременно на утрату чувства определенности в отношении будущего. У части населения (преимущественно старшего и среднего возраста) развиваются пессимизм и отчаяние, ощущение напрасно прожитой жизни. Как образно заметил Я.Куронь, человечество «парализовано несправедливостью новой системы».

В общественном сознании населения трансформирующихся стран еще не выработались общепризнанные критерии имущественного расслоения. Углубление пропасти между богатыми и бедными, прогрессирующее обнищание значительной части трудоспособного населения порождают известную реакцию отторжения, в том числе рост преступности, депрессию и другие негативные психологические последствия.

Все более полно осознается, что успешная трансформация новых независимых государств возможна лишь при реализации программы реформ, учитывающих специфику национального менталитета и достижений этих государств в прошлый, социалистический период. Сложное положение, в котором оказалась. Значительная часть населения этих стран сегодня, является не только свидетельством их экономической слабости, но и фактором их перманентной политической нестабильности. Люди становятся заложниками событий, которыми они не умеют управлять, - в этом своеобразии всего процесса перемен.

Естественно, что мир в результате этих перемен не стал более устойчивым. Не располагая достаточным потенциалом для структурной

перестройки и не будучи полностью включенными в процесс мировой интеграции, страны СНГ оказываются не в состоянии в короткие сроки и без помощи извне разрешить свои проблемы. А попытки самостоятельных действий, если они и предпринимаются, постоянно наталкиваются на противодействие со стороны блоковых государств, обрекая эти страны на роль аутсайдеров в мировом цивилизационном пространстве. Фактически перед каждой из этих стран стоит дилемма: либо прямое, весьма рискованное вхождение в мировое сообщество в качестве фактически неполноправных партнеров, либо опосредованное, более затяжное включение через механизмы совместной интеграции путем делегирования своих полномочий другому, скорее всего политическому субъекту.

Как показывает практика, у стран бывшего социалистического содружества нет иного выбора, как двигаться по пути интеграции. Общая линия, позволяющая разрешить противоречия прошлого без негативных последствий, которые были характерны для отношений между бывшими республиками, состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить реальные достижения технологического, экономического и социокультурного единства новых независимых государств, имевших место в прошлом, а с другой, не менее важной стороны, – расширять и углублять сотрудничество на новой, открытой основе кооперации.

Интеграция предполагает сосуществование и конкуренцию альтернативных вариантов, т.е. не просто компромисс между сторонами, а оформление их интересов в новое качество развития. Человечество объективно и неуклонно продвигается ко все более тесному и всестороннему единству. Выбор, который осуществляется сегодня на постсоветском пространстве и который в перспективе и предопределяет лицо западного мира, всего мироустройства XXI века, как раз и покажет, что это будет за единство и каким путем оно будет достигнуто.

К началу нового века биполярный мир уже прекратил свое существование, а угроза истощения природных ресурсов на планете усилилась. Естественно, у крупнейших мировых держав не могло не возникнуть соблазна отбросить идею всемирного процветания и начать открыто перераспределять ресурсы в свою пользу. Военные действия США и Англии в Ираке тому яркий пример. Возникла и новая идеология '«золотого миллиарда», согласно которой прогресс желателен и осуществим лишь в пределах западного мира. На остальных территориях целенаправленно консервируется отсталость. Более того, стали появляться теории, в которых доказывается, что и в отставании может быть прогресс.

Да, мир все же задумался, как жить дальше. Вариантов развития много. Процесс трансформации, начатый по единым шаблонам, в течение последних лет приобретает практически в каждой стране свои особенности, в каждой из стран образуется свой вариант рыночной экономики. Какой из них пробьет себе дорогу? Очевидно, что данный процесс трансформации постсоветского мира будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен протерпеть преобразования вместе с Востоком в новую

систему. Сформулированные в XIX веке понятия и идеи не годятся более для объяснения изменений XXI столетия. На Западе, как и на Востоке, нет четкого ответа на вопрос, как мы собираемся жить дальше. Не в малой степени это будут зависеть, прежде всего, от того, сумеют ли все государства вовремя осознать общую опасность новой «интернационализации» и найти способ объединения и координации усилий ради общего спасения.

Стратегические цели и особенности перехода к рыночной экономике

Изменение характера развития десятков стран, которое происходит ныне, – чем оно закончится? Хорошо это или плохо – слом сложившегося, традиционного хода событий? Получит ли в результате трансформационных перемен Запад именно то, на что рассчитывает? Это непростые вопросы, на которые даже сегодня, спустя более десяти лет со времени начала реформ, очень трудно дать однозначный, а тем более положительный ответ.

Обзор процессов трансформации как системы перемен ставит перед исследователями, может быть, главнейший вопрос о том, в какой мере реформы учитывают на их завершающей стадии национальные особенности и специфику каждой страны, ее традиции и культуру. Усиливаются голоса о том, что „рынок” – это система принципов, будто бы не имеющая никакой связи с национальным характером народа, создающего свою „рыночную экономику”. Именно поэтому стоит, на мой взгляд, процитировать французского исследователя И. Самсона, весьма объективно описавшего сущность трансформационного процесса, по крайней мере, его начального этапа.

Отметив, что экономическая политика стран бывшего восточного блока в 1989 – 1993 гг. характеризовалась постановкой в первую очередь задач дерегулирования, денежной стабилизации и быстрой приватизации, он указал, что эта политика нередко следовала прямым рекомендациям МВФ и Мирового банка, отвечала их представлениям о структурной адаптации. Так, концепции, которые развивал Дж. Сакс, гарвардский профессор, советник польского, словенского и российского правительств, уже через два года выявили свою неэффективность, и их стали подвергать критике даже в США. И. Самсон высказал мнение, что если спрос неплохо реагирует на монетаристские меры (за исключением республик СНГ), то результаты в области предложения никак не соответствуют ожиданиям.¹

Экономисты заговорили о „сверхадаптации”: лекарство оказалось слишком сильным и убивает больного. Многие нашли, что программа стабилизации перестает быть правильной, как только страна входит в инфляционную депрессию, ибо приоритетной становится необходимость выйти из депрессивной спирали и проводить активную экономическую,

¹ МЭ и МО, 1993, № 9. С. 52.

особенно структурную политику. Между тем данное объяснение оставляет в стороне основное: монетаристские тезисы основаны на ряде гипотез о поведении в сфере предложения, которые не всегда верны для развитых стран, редко соответствуют реалиям развивающихся стран и лишь в виде исключения отвечают реалиям постсоциалистических государств. Крах „экономики предложения” свидетельствует об определенном „реванше прошлого”, о сохранении большинства прежних структур и типов поведения и, следовательно, о незнании конкретной ситуации западными советниками.

В этой связи открытым остается вопрос о природе специфического поведения, а в конечном счете – о существовании „гомо советикус”. Идет ли речь о влиянии общей культуры, унаследованной от „мира общины”, на которую впоследствии наложились особые отношения с государством, законом и властью, а также другие черты славянской души? Или же, напротив, как видно на примере развивающихся стран, это поведение нерационально лишь внешне и объясняется отсутствием информации, высокими издержками перехода к рынку и противоречивостью способов регулирования, свойственных переходному периоду и порождающих конфликтность разных типов рационального поведения?

В то время как на Западе имеется почти столетний опыт антитрестовского законодательства и деятельности служб, призванных обеспечить свободу конкуренции, сохранение монопольных структур при ослаблении государства минимизирует конкуренцию. Постсоциалистическое решение этой проблемы путем простого разделения крупных объединений может привести к появлению предприятий неоптимального размера, а иллюзии об их самостоятельном поведении рассеются из-за существования прежней вертикальной подчиненности. В рамках отраслей изменения происходят спонтанно: прежние властные отношения сохраняют свою структурирующую силу, и преобразования затрагивают в первую очередь сельское хозяйство и легкую, а не тяжелую промышленность. Жесткая денежная политика может иметь разрушительные последствия для предприятий, „задолженность” которых является лишь результатом действий прежней системы, где государство-собственник изымало большую часть прибавочного продукта. Как видно из исследования Мирового банка, реформы недостаточно учли положение предприятий, значительная часть которых нежизнеспособна в условиях международной конкуренции. В этих условиях мгновенная либерализация цен и торговли, не сопровождаемая адаптацией на уровне предприятий, лишь усиливает финансовый крах.²

Исследователь не ошибался, утверждая, что ограничение роста заработной платы не окажет воздействия на предложение при отсутствии инфраструктуры, способствующей появлению мелких и средних предприятий. Неприятие риска останется преобладающей линией поведения, а если на риск все же идут, то лишь в торговой и спекулятивной деятельности.

Во время кризиса неплатежеспособности весной 1992 г. отсутствие денежных средств не помешало предприятиям размещать заказы и поста-

² МЭ и МО, 1993, № 9. С. 52.

влять друг другу продукцию, создавая тем самым систему всеобщего кредитования, в рамках которой стремление продолжать производственную деятельность во что бы то ни стало преобладало над стремлением обеспечить платежеспособный спрос. В условиях дефицита и монополии предприятия воспользовались либерализацией для повышения цен и благодаря полученной сверхприбыли увеличили заработную плату персоналу, чтобы сохранить его „в соответствии со старой социалистической привычкой”.

Иными словами, считает И. Самсон, были забыты микроэкономические основы макроэкономики. Либерализация экономики не дает ожидаемых эффектов, если отсутствует институциональная рыночная среда, влияющая на поведение экономических агентов, а диверсифицированным рыночным структурам не соответствует столь же диверсифицированное государственное регулирование. Трудное формирование новых отношений власти на предприятиях на фоне неразвитых коммерческих и финансовых функций тормозит рост эффективности и ведет к провалу целей экономической политики.

Сегодня стала очевидной старая истина о том, что перемены народного быта не определяются произвольными пожеланиями политиков. Итак, если процесс трансформации находится в целом во второй фазе (по градации И. Самсона), то есть смысл учитывать все особенности этой фазы. Сам И. Самсон убежден, что в центре дискуссии, связанной с проблемами второго этапа, стоят следующие основные вопросы. Первый касается последовательности, или способа осуществления, трансформации. Ряд стран, например Польша, Чехия или Болгария, сделали упор на быструю либерализацию, в то время как другие (Венгрия) предпочитают сначала создать необходимые рыночные институты, включая рынок капиталов. В этой связи встает новая проблема: следует как можно быстрее проводить приватизацию или же она должна увенчать завершение перехода? Первый подход, отстаиваемый Дж. Саксом и МВФ, реализуется в Польше, Чехии и был проведен в жизнь в России. Вместе с тем многие эксперты, указывая на препятствия для приватизации, приходят к выводу **об опасности иллюзий о ее быстрой осуществимости.**

Второй вопрос относится к технике приватизации. В настоящее время эта техника весьма разработана. Уникальная немецкая модель, опирающаяся на Опекуновское управление (мощную бюрократию, пользующуюся абсолютной властью над предназначенными к приватизации предприятиями), доказала свою эффективность благодаря сильной вере в государство и стремлению западногерманских компаний купить предприятия бывшей ГДР, чтобы закрепить за собой рынок. Чехия и Польша настроены на массовую приватизацию, первая через купоны, продаваемые населению, или через бесплатные купоны, предоставляющие доступ к инвестиционным фондам. В Венгрии система перекрестных интересов отразила децентрализацию госсобственности: частные предприятия принадлежат либо государственным компаниям, либо банкам, холдингам или иным учреждениям, нередко также находящимся в руках государства.

Известная дилемма приватизации в странах бывшего восточного блока заключается в трудностях создания капитализма без капиталистов и без капиталов, когда по политическим причинам допуск иностранных инвесторов ограничен, а внутренние сбережения явно недостаточны. Стремление форсировать темп приватизации путем распределения ваучеров чаще всего ведет к псевдоприватизации, когда государство в конечном счете остается собственником, действуя через различные институты и инвестиционные фонды.

Эта проблема ставит вопрос о задачах приватизации. Идет ли речь об отборе и формировании настоящих предпринимателей? Является ли целью изменение собственности и контроль над менеджерами? Или же необходимо сначала мобилизовать фонды для рекапитализации предприятий, осуществить первоначальное накопление?

Первый подход приводит сторонников эволюционного перехода к отстаиванию бесплатного распределения „титлов собственности“, с тем чтобы (как в известной игре „Монополия“) сформировались новые предприниматели. Этот подход основан на новых иллюзиях и недооценивает тот факт, что большинство граждан ведут себя скорее как потребители, желающие продать свои права, чем собственники. Этот подход скорее уместен при постепенной приватизации по венгерской модели, когда **приватизируется не столько собственность, сколько менеджмент.**

Второй подход основан на теории прав собственности, в соответствии с которой наличие собственников является лучшим стимулом для деятельности менеджеров. Из него логически вытекает массовая приватизация. Эта идея крайне спорна, особенно если собственниками является персонал предприятий или же они многочисленны и распылены. Спекулятивные соображения краткосрочной прибыльности могут возобладавать над предпринимательской логикой. К тому же непонятно, как эти собственники, если только ими не являются государство или замаскированная номенклатура, возникнут до того, как сформируется необходимый объем сбережений. **Следовательно, если приватизация – это рекапитализация предприятий, то она должна осуществляться медленно, по мере накопления национального капитала.**

Если приватизация сама по себе не означает создания предпосылок для быстрой структурной реорганизации предприятий, считает И. Самсон, не следует ли тогда немедленно приступить к индустриальной политике? Эта проблема все чаще поднимается и на Западе, и на Востоке. Противники этой идеи возражают: дескать, в отличие от Японии в пост-социалистических странах органы, занимающиеся приватизацией, недостаточно компетентны. Они также утверждают, что любой проект оздоровления предприятия имеет смысл лишь при наличии предпринимателя, реализующего производственную и рыночную стратегию. Однако перестройка, осуществляемая в судорогах экономического спада, не лучше перестройки, проведенной технократами, которые все же четко представляют себе направления структурных преобразований. С одной

стороны, реалии монополизированной экономики в Восточной Европе требуют государственного вмешательства для сохранения социального равновесия, а с другой, без предварительного рыночного оздоровления предприятия не найдут себе собственников. Хотя дискуссия на эту тему еще не закончилась, представляется, однако, что **если на уровне предприятий государство вряд ли может заменить предпринимателя (собственника или управляющего), то на отраслевом или региональном уровне полное разгосударствление экономически неэффективно и социально опасно**³ (подчеркнуто мною. – А. Д.).

И. Самсон демонстрирует несомненный талант государственного управленца, предвидя многие последствия. Он не скрывает многообразия точек зрения, и именно это многообразие приоткрывает какие-то шансы, хотя и позволяет острословам утверждать, что трансформация – это неразрешимая задача: „Пойди туда, не знаю куда, возьми то, не знаю что”.

Во всех без исключения странах, отвергших путь социалистического развития, так или иначе встал вопрос о легитимности, то есть о реальном признании новой власти большинством населения. Речь идет не о выборах, которые поддаются манипуляциям, речь идет главным образом **о выработке стратегии национального развития, которая признавалась бы большинством.**

Если оценивать происходящие события объективными критериями, то вряд ли в какой-либо постсоциалистической стране уже разработана четкая стратегия: это, как правило, набор противоречивых лозунгов, не имеющих практического значения. Многие не хотят понять, что бездумное следование программам реформирования, которые вызрели в головах политиков, не только не наращивает, потенциала изменений в обществах, но, напротив, ведет к разбазариванию этого потенциала. Близится день, когда не помогут ни подручные средства „промыывания мозгов”, ни солидарное вмешательство покровителей, потому что реально нарушены интересы миллионов: падает жизненный уровень, растет преступность, ухудшаются стандарты окружающей среды, увеличивается нравственный хаос, происходит распродажа национальных богатств и ущемление национального достоинства.

Нынешнее время стремительной ломки системы привычных ценностей для многих людей означает утрату ориентации в окружающем мире. Уходят в прошлое ощущения безопасности, социальной защищенности и т. п. Растущая в массах уверенность в несостоятельности, коррумпированности и нечестности традиционных партий и их политиков – одна из основных причин усиления влияния правого и левого радикализма.

Преобладающая научная мысль утверждает, что рыночная экономика начинает нормально функционировать лишь тогда, когда появляется огромная масса независимых субъектов. Но кто доказал, что эти субъекты должны опираться только и исключительно на частную собственность?

³ МЭ и МО, 1993, № 9. С. 54-55.

Кто доказал, что этой массе субъектов будет обеспечена необходимая свобода предпринимательства в условиях конкурентной борьбы?

При слабой развитости фондового рынка и возможностей активного привлечения внешних инвестиций экономика трансформирующихся стран отчасти продолжает функционировать по принципам прежней хозяйственной системы. И если дело не доходит до полного коллапса, то еще не известно, заслуга это реформаторов или компенсаторных возможностей прежней системы.

Но есть еще и другой, более важный вопрос: не подтолкнет ли разрушение сложившейся системы геополитического равновесия к новым кризисам в экономике, войнам и общей неразберихе?

Некоторые исследователи, особенно со времен О. Шпенглера, настойчиво убеждают нас в том, что представители разных культур говорят на разных языках. Сомнительно, что представители постсоветских государств не понимают языка западных коллег. И все же иной раз нам, действительно, бывает сложно столкнуться, поскольку по некоторым аспектам наши мысли скользят по параллельным шаблонам. Наш социально-культурный опыт начал совмещаться только в самые последние годы и потому было бы недопустимо раздражаться и обвинять друг друга при первых же признаках непонимания. О. Шпенглер на этот счет говорит так: „Историческая окружающая среда других людей составляет **часть их существа**, и нельзя понять кого-либо, не зная его чувства времени, его идеи судьбы, стиля и степени сознательности его внутренней жизни”⁴.

Если мы преданы идее научности подходов ко всем проблемам, мы не будем – ни на Востоке, ни на Западе – торопиться с категорическими заключениями, памятуя о том, что истина принадлежит всем в равной степени. Рассуждая сегодня о трансформации, может быть, мы упускаем из виду как раз те ее стороны, которым принадлежит будущее. К терпимости призывает нас „Закат Европы”. „Чего бы мы ни хотели и ни делали, что бы ни последовало за всеми нашими решениями и ни следовало из них, стремительно, неожиданно, никем не предусмотрено, все это *служит* какой-то более глубокой необходимости и включается в какой-то величественный распорядок, открытый умному взору, блуждающему над картиной давно минувших событий. И тут уже можно ощутить неисповедимое как милость, если судьба оказалась исполнением чаемого. Чего хотели Иннокентий III, Лютер, Лойола, Кальвин, Янсен, Руссо, Маркс и что вышло из этого в буре западной истории?”⁵

События созидают эпоху, это известно. Но всякая ли эпоха знаменует необходимую веху в развитии культуры? После второй мировой войны коммунисты объясняли задержки и неудачи советизации европейских стран, избравших путь „народной демократии”, исключительно происками капиталистических элементов и западных агентур. Точно так же теперь есть большое искушение объяснить трудности процесса трансформации

⁴ Шпенглер Освальд. Закат Европы (очерки морфологии мировой истории). М., 1993. С. 289.

⁵ Там же. С. 300.

исключительно происками „коммунистических и националистических сил”. При этом оставляются в стороне **настроения масс, формируемые фактическими обстоятельствами процесса перемен**, иначе говоря, практикуется то же самое насилие, в котором обвинялись тоталитарные системы. В этих условиях стремительно падает престиж западного блока, существенный фактор трансформации и главный ее гарант. Те, кто считает возможным пожертвовать этим фактором, совершают, на мой взгляд, опасный просчет.

Проведя инвентаризацию трансформационных изменений, мы видим, что этот процесс не принес явных преимуществ значительной части государств, а потому остается незавершенным. Разная степень сбалансированности национальных моделей выражает что угодно, кроме признания окончательности реформ, хотя на этом настаивает большинство „реформаторов”.

Мы видим далее, что наибольшего успеха в приспособлении к новым отношениям добиваются те страны, которые оптимально сочетают свою специфику с канонами мирового рынка.

Касаясь проблем реформирования экономики и социальных проблем, возникающих в связи с этим, уместно упомянуть интересное, хотя и весьма противоречивое исследование Эрнандо де Сото, перуанского бизнесмена, прошедшего большую международную школу. Иные считают его народным трибуном, увидевшим перспективу в теневой экономике Латинской Америки, другие прозрачно намекают, что задача де Сото – скомпрометировать в рамках „мондиализма” национальное государство, поскольку всей Латинской Америке объективно еще предстоит национальное возрождение через подлинно национальное государство. Меня интересует в нашумевшей книге только одно: может ли пригодиться метод решения проблем, на который указывает перуанский автор, для трансформационного процесса?

Прежде всего, мне кажется некорректным и неправомерным отказывать социально-экономическим системам стран Латинской Америки в их капиталистическом характере. Конечно, хотелось бы, чтобы сложности и противоречия положения народа были приписаны чему-либо другому, но, увы, капитализм в Латинской Америке в силу своей слабости и сервильного характера не обрел широких крыльев и замкнулся на бюрократии и тоталитарных тенденциях – угроза, которая вовсе не является надуманной, например, для России. Напомним и о том, что теневая экономика в бывшем СССР и ныне в странах СНГ имеет, в отличие от перуанской, ярко выраженные корни паразитарности и ограничивается „средним слоем”, бедняки в ней не принимали и не принимают никакого участия.

Мне представляются нереальными попытки „соединения заботы о бедных со стремлением создать демократическое общество и рыночную экономику”⁶. Согласен, что консервативные правительства стран Латинской

⁶ Эрнандо де Сото. Иной путь (невидимая революция в третьем мире). М., 1993. С. 24.

Америки „хлопочут“ о благосклонности Запада, предпринимая разумные макроэкономические меры, но дискриминационные правовые установления разрушают то положительное влияние, которое такая политика могла бы оказать на экономический рост и снижение уровня бедности. „Вместо этого продолжается политика покровительства интересам отдельных групп и пренебрежения интересами остальной части общества, особенно бедных, не имеющих возможности вести переговоры с политическим истеблишментом”⁷.

Можно согласиться с тем, что „теневики” реализуют и поддерживают режим частной собственности посредством выработанных ими норм и что „эти нормы” допускают здоровую конкуренцию, в которой „соблюдаются договорные обязательства”⁸. Но сомневаюсь, что **теневая экономика может стать реальной опорой возрождения больных режимов.**

Эрнандо де Сото предложил следующий путь преодоления кризисности перуанского общества: „Перед нами две задачи: освободить энергию теневиков из тисков карательной правовой системы и передать жизненную силу, настойчивость и упования нарождающегося делового класса остальному населению. Решение таково: необходимо изменить правовые институты и снизить издержки достижения богатства, а также открыть доступ к системе, чтобы они могли участвовать в экономической и социальной деятельности и конкурировать на равных условиях”⁹.

Разумеется, эти пожелания можно переложить на программу конкретных действий. Однако программа не будет универсальной. Тем более она неуместна применительно к странам СНГ, даже таким, где кризис будет выталкивать в город тысячи бедных людей.

События способны отбросить многие трансформирующиеся страны из разряда высокоразвитых и высококультурных к отсталости и нищете, что почти и случилось. Но события вряд ли смогут уничтожить гражданскую солидарность и общую культуру населения, которые почти неизбежно проявятся при драматическом повороте истории.

Обстановку после 1991 года в новых государствах, образовавшихся на территории распавшегося СССР, никак не сравнить с той, которая существовала скажем в Германии после 1945 года. Однако, творец германского „экономического чуда” Людвиг Эрхард, министр экономики, а затем и канцлер, никогда не противопоставлял принципы экономической свободы и принципы „распределительной справедливости”, понимая последние, разумеется, не столь плоско и одномерно, как некоторые экономисты и социологи. Он исходил из того, что миру нужна не очередная схема, не очередная „воля сильного человека”, а отлаженный механизм эффективного взаимодействия общественных сил. Подходы Л. Эрхарда убеждают: черно-белого исполнения уже не будет, не будет ни вчерашнего социализма, ни вчерашнего капитализма, скорее всего будет современное

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 300.

общество, измеряющее прогресс степенью приближения к общечеловеческим идеалам. Экономическая стратегия, претендующая на успех, должна отказаться от всех шаблонов, должна стать искусством использования существующей и создания будущей конъюнктуры.

Считаю уместным и полезным обрисовать взгляды Эрхарда на процессы, аналогичные процессам трансформации. „Страны, которые стремятся продвинуть вперед свою индустриализацию ценой высоких капитальных затрат, добьются только двух вещей: за короткий срок они соорудят ряд кое-как работающих престижных хозяйственных объектов, но скоро окажутся в безусловно нежелательной зависимости от заграницы, от иностранных специалистов, от зарубежных поставщиков и иностранных потребителей продукции.

Решающее значение для успеха политики развития имеет не величина средств сама по себе, а тот способ, которым они расходуются. Развитие, опирающееся на здоровую основу и приводящее к многообещающим структурным сдвигам, предполагает использование отечественной инфраструктуры, привлечение производителей-ремесленников, транспортных и торговых предприятий. Надо стремиться к тому, **чтобы от растущих доходов выигрывали как можно более широкие круги населения, чтобы само увеличение доходов было пропорционально росту экономического потенциала** (подчеркнуто мною. – А. Д.). Важно иметь в виду еще одно обстоятельство: чтобы полностью использовать богатые людские ресурсы развивающихся стран, нет смысла применять капиталоемкие стратегии развития. Внутренний спрос и производство для отечественного потребителя надо поставить в центр всей политики развития. Индустриализация и уровень образования не являются в таком процессе ни самоцелью, ни средством достижения цели, они выступают показателем и результатом прогресса»¹⁰.

Только та экономическая система может быть жизнеспособной и эффективной, которая с самого начала ориентирована на все общество в целом. Мысль проста. И эту мысль на все лады повторяют во всех странах все практические экономисты. О том же самом, только с другой стороны, говорит Акио Морита: „У лучших японских компаний нет никаких секретов или тайных рецептов успеха. Никакая теория, программа или правительственная политика не могут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди. Самая важная задача японского менеджера состоит в том, чтобы установить нормальные отношения с работниками, создать отношение к корпорации как к родной семье, сформировать понимание того, что у рабочих и менеджеров одна судьба”¹¹.

Мы постарались обнажить истинные ошибки и трудности трансформации и видим, что она имеет не только политический или экономический аспект. Стратегам развития нужно усвоить, что не только недальновидно, но и опасно рассматривать основную задачу трансформации как

¹⁰ Эрхард Людвиг. Полвека размышлений. Речи и статьи. Дюссельдорф, 1988. С. 598-599.

¹¹ Морита Акио. Сделано в Японии (история фирмы «СОНИ»). М., 1993. С. 191.

полное уничтожение всех „коммунистических бацилл”. Рабочие и служащие предприятий и фирм неизбежно поставят вопросы, выражающие их коренные жизненные устремления, и настоящий реформатор обязан учесть прежде всего эти устремления.

На примере России мы видим, что именно в силу идеологической заданности в реформировании страна еще очень не скоро начнет выходить из того хаотического состояния, в котором она оказалась. Полезно ли это для Запада? И если полезно сегодня, будет ли полезно завтра, когда внезапно потребуются опереться на реальную мощь России, а не на ее диффузирующий облик?

В том, что проблема России, Беларуси, Казахстана и т. п. не есть только их проблема, что она затрагивает целый спектр вопросов, выходящих за пределы политических и пропагандистских формул, нас убеждает и реальная практика, и наиболее результативная научная мысль.

Исследователям современной мировой проблематики хорошо известны работы специалистов Международного института развития менеджмента (Лозанна). Эти работы признаются эталонными, потому что учитывают, как правило, все многообразие требований действительности.

Профессор Юрий Бошик в статье „Переходные процессы в Центральной и Восточной Европе” еще в 1992 г. сделал вывод о необходимости новых акцентов в политике и практике трансформации. Именно этот взгляд и получает в наши дни санкцию подлинной науки: „Эйфория либерализации и слишком смелые эксперименты с экономической политикой последних трех лет уступили место более реалистичной оценке перемен. Пришло понимание того, что содержание преобразований должно в большей степени учитывать местные условия, что достижение успеха на этом пути требует немалого искусства. В некоторых странах протекающие перемены все еще напоминают процессы „управляемого распада”. В результате предприниматели и политики стали сознавать значение некоторых фундаментальных условий для развития бизнеса, которые раньше либо игнорировались, либо просто неверно воспринимались”¹².

Исключительно важным с методологической точки зрения представляется следующий вывод профессора Ю. Бошика: „После окончания „холодной войны” Центральная и Восточная Европа станет ареной борьбы различных моделей капитализма — американской, азиатской, шведской. Вопрос выбора модели развития имеет огромное значение для каждой из стран региона, так как от этого будет зависеть стратегия и тактика экономических преобразований, масштабы социальных и политических последствий осуществляемых перемен”¹³.

Анализ, проведенный лозаннским экспертом, позволяет лучше уяснить взаимные интересы всех „актеров” великого процесса трансформации. Представляется весьма перспективной мысль о том, что Запад не исключает возможность подключения стран, охваченных этим

¹² Проблемы теории и практики управления. 1992. № 4. С. 5.

¹³ Там же. С. 6.

процессом, к 2050 г. к „общему рынку“, который будет насчитывать около 50 стран и иметь население в 800 млн человек.

Ю. Бошик допускает, что для бывших социалистических стран, не входящих в Центральную Европу, может потребоваться около 75 лет (т. е. должно смениться два поколения) до реальной интеграции.

При этом для Западной Европы одним из наиболее существенных соображений при всех поворотах является „необходимость сохранения поставок энергоресурсов из России и других регионов“¹⁴.

Проявляя ту степень политического реализма, которая сегодня все еще недоступна многим, Ю. Бошик весьма позитивно оценивает дальнейшие последствия поисков „собственных путей развития“ и сопряженных с ними процессов развития национализма и политики „опоры на собственные силы“. Он с пониманием воспринимает негативную реакцию в трансформирующихся странах на агрессию зарубежного капитала и попытки создания региональных экономических союзов.

Социальная структура переходного общества

Картина, дающая реальное представление о социальных группах, наиболее точно говорит о сущностном состоянии общества, его динамике, качестве функционирования его главных социальных институтов.

Хотя социологическая наука стран СНГ преодолела многие догмы на пути овладения механизмами социальной стратификации, глубокое изучение этих явлений, по существу, только началось.

Принципиальный характер перемен в результате развития рыночного хозяйства был спрогнозирован достаточно полно, например, в работах Ф. М. Бородинки. Он обратил внимание на перемены в социальной структуре, структуре власти, институциональной среде, предвидя усиление преступности и социальной напряженности в условиях имущественной дифференциации¹⁵.

Процесс социальных перемен в разных странах происходит по-разному. Усиление социально-экономической дифференциации при переходе к рыночной экономике – это объективный процесс, один из основных результатов либерализации цен и зарплат. Однако в отсутствие эффективной социальной политики он ведет к быстрому росту бедности и появлению социальной напряженности.

В России проблема нарастания имущественного расслоения и расширения бедности приобрела с началом реформ особые масштабы и остроту:

- по сравнению с 1991 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума возросла за период 1992-1994 гг. более чем в 2 раза;

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Перестройка: гласность, демократия, социализм. Постигание, социология, социальная политика, экономическая реформа. М, 1989. С. 405-406.

- среди беднейших слоев увеличился удельный вес экономически активного населения;
- сформировалась устойчивая группа территорий с концентрацией бедного населения.

Рост неравенства происходит в направлении уменьшения доходов малообеспеченных групп населения и усиления дифференциации средних слоев. На долю 10% наиболее обеспеченного населения в январе-сентябре 1995 г. приходилось около 30% денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 2,3%¹⁶.

Именно человек оказался в фокусе главных перемен на всем обширном трансформационном пространстве: перемены политических и экономических доктрин вызвали деформацию устоявшихся социально-экономических отношений, мировоззрения, морали. Изменилась роль общественных институтов и прежде всего государства.

Обещанное быстрое продвижение к демократии и достатку обернулось опасным обострением социальных и национальных отношений, обнищанием в большинстве стран, пытающихся создать рыночную экономику.

Анализ социальных проблем, порожденных изменением парадигмы существования, представляет особую важность для разработки политики реформирования, потому что ошибки и перекосы в этой области сопряжены с конфликтами и гражданскими войнами, угрожающими всему зданию международного мира.

Рассматривая возможности эффективной социальной политики, Б. Ракитский, тогдашний член Совета по социальной политике при Президенте РФ, справедливо указал, что „возможен исторический выбор из четырех наиболее вероятных вариантов будущего: 1) возврат к тоталитаризму (пусть и обновленному); 2) буржуазная демократия; 3) буржуазная диктатура; 4) народная демократия”¹⁷. Он довольно убедительно проанализировал каждый вариант применительно к России, но не подлежит сомнению, что и **остальные государства не имеют другого „меню”**.

Спустя более десяти лет после начала рыночных реформ большинство стран Центральной, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии по-прежнему бьются над решением задачи: как вытащить экономику из трясины. Несмотря на некоторое улучшение экономических показателей в отдельных странах, пока отсутствуют ясные признаки того, что начался устойчивый рост благосостояния населения этих стран.

В исследовании ООН „Нищета, дети и социальная политика. Путь в более светлое будущее” отмечается, что в странах трансформации почти повсеместно наблюдается ухудшение экономического положения большинства семей, происходит увеличение младенческой и детской смертности, падает охват детей детскими садами, растет смертность, преступность, усиливается кризис семей и т.п.

¹⁶ Власть. 1996. № 4. С. 71.

¹⁷ Проблемы теории и практики управления. 1995. № 5. С. 9.

Общий вывод такой: „Сейчас становится очевидным, что в тех странах, которые проводили реформы быстро, и в тех странах, которые проводили реформы медленно, процесс трансформации общества, экономики, системы детских учреждений и т. д. потребует гораздо большего времени, чем изначально прогнозировавшийся срок в 5-10 лет”¹⁸.

Ясно, что политика трансформации вызвала огромные социальные перемены структурного характера, они коснулись всех видов и форм деятельности. Современное рыночное общество – это сложнейшая система-социальных, экономических, правовых и прочих отношений, основой которой должно стать общественное согласие. Общественное согласие – главное условие нормального функционирования новой системы. Увы, этого не понимают многие политики, стремящиеся перекричать, переспорить друг друга, вместо того чтобы искать и находить баланс интересов.

В этом отношении весьма показательна по замыслу работа белорусского исследователя Л. П. Васюченка – „Баланс социально-экономических и социально-политических сил в Республике Беларусь”. Он пишет: „Общественное согласие является одной из фундаментальных основ эффективной экономики. Оно означает, что принципом всех отношений в обществе, в том числе и экономических, является договор, предполагающий не „победу” одного субъекта над другим, а достижение взаимного удовлетворения. Договорной характер отношений является основой многообразия форм собственности и форм хозяйствования; на договорных началах строится вмешательство государства в экономику, результатом договорного характера отношений является и социальная направленность экономики. Принцип договора определяет также особую процедуру принятия и реализации экономических решений, особый механизм выявления и разрешения противоречий”¹⁹.

Если проанализировать развитие, например, Республики Беларусь за последние годы, мы увидим, что сущностью всех событий является как раз попытка отыскать способ реализации „принципа договора”. **Не ошибусь, если скажу, что такая же ситуация и в других трансформирующихся странах.**

Странно, что иным исследователям кажется при этом, что они могут формировать социальные группы и целые классы из воздуха и собственных ожиданий. Тот же Л. П. Васюченко выступает с умозрительными, оторванными от действительности рекомендациями: „Чтобы субъекты социально-экономических отношений в Беларуси „вышли” из кризиса в направлении смешанной экономики, а не административно-командной системы с тоталитарным режимом или олигархического капитализма с авторитарной или фашистской диктатурой, необходимы внутренние сдвиги в их интересах. В номенклатурной буржуазии должна быть усилена буржуазная тенденция,

¹⁸ Нищета, дети и социальная политика ...С. 87.

¹⁹ Васюченко Л.П. Баланс социально-экономических и социально-политических сил в Республике Беларусь. Мн., 1995. С. 3.

в белорусской постсоветской интеллигенции – тенденция к независимости от государства, к превращению в средний класс...”.²⁰

Мышление исследователей, принявших идеалы буржуазного общества, все еще дает рецидивы номенклатурного всезнайства и остается авторитаристским, директивно-силовым. Понимания необходимости естественного процесса перемен нет и в помине, нет и понимания, что смена доктринального насилия от имени пролетариата столь же пагубна и нерезультативна, как и обращение к доктринальному насилию в интересах буржуазной элиты.

Один из последних универсальных социологов западного мира Макс Вебер решительно настаивал на том, что в качестве субъектов исторического действия могут быть только отдельные индивиды, – не общество в целом, не какие-либо коллективные образования.

Можно было бы поспорить с такой точкой зрения, – однако я бы предпочел именно веберовский подход при исследовании социальных перемен периода трансформации: корпорации любого рода имеют склонность мистифицировать процессы, укрываясь за шлейфами корпоративного (или мнимо-корпоративного) интереса, тогда как изучение индивидов выявляет гораздо более объективную картину.

Народы безусловно примут плоды трансформации не потому, что у них не остается иного выбора (как бы хотелось некоторым фанатикам), но потому, что трансформация приведет, в конце концов, к открытию тех способов мирового взаимодействия, которые откроют полный простор для дальнейшего национального развития и национального действия.

Пьер Бурдьё неоднократно подчеркивал, что теоретизирование не имеет никакого значения, если оно не помогает выявлять практическое положение вещей. „Недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине”²¹, – заявил он в „Социологии политики”.

Разрушение социалистического режима разрушило ныне и те догмы, которые использовались для его разрушения. С высот нынешнего исторического опыта двусмысленная критика К. Маркса Р. Ароном в книге „Этапы развития социологической мысли” становится почти юмористической. „Политика принципиально не сводима к экономике ... Политика так же важна и автономна, как и экономика”²².

В последнее время все большей популярностью пользуется экономическая школа, сформировавшаяся на основе открытий Джона Гелбрейта, полагавшего, что уровень эффективности экономики определяет не столько форма собственности, сколько тип организации и управления хозяйственными субъектами.

Исследуя причины такой популярности, следует указать на неразрешимую дилемму, связанную именно с искусственностью формирова-

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 31.

²² Арон Раймон. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 205.

ния новых социальных группировок, с неокончателъностью перемен, ощущаемых всеми „актерами“ трансформационного процесса.

В самом деле, переход к рыночным отношениям выдвигает на первое место проблему формирования „среднего класса“ как самой крупной и мобильной социальной категории, являющейся опорой современного цивилизованного общества. Однако на практике происходит совершенно иное: вследствие шокового характера реформ наиболее резко снизился уровень жизни семей, имевших ранее средний достаток. Происходит размывание среднего класса и выведение его за черту прожиточного минимума. Вместе с тем началось образование частнопредпринимательского слоя (до 5% активного населения), имеющего высокие и сверхвысокие доходы²³.

Социокультурная сфера переходного общества: противоречия и перспективы

Сложности исторических поворотов никогда не перечеркивают всех шансов. И в этом смысле эпоха трансформации, рожденная, в сущности, политическим противоборством, принесет со временем новые плоды для всего человечества.

Общество освободилось от многих догм и на какое-то время получило свободу эксперимента. Трансформация – и я убежден в этом – продвинет человечество к освоению более конструктивных идей, нежели те, которые владели умами большинства в XX веке.

Пройдет еще 10-20 лет, и люди с трудом будут читать работы сегодняшних „оценщиков“ исторических событий, увидев, как велика дань была идеологическим установкам и как мала – истине.

Основополагающие проблемы – сущность и содержание демократии и свободы, права личности – все это трактовалось в период противостояния двух систем (да и трактуется по инерции и поныне) с точки зрения геополитических интересов господствующего блока. Вот, к примеру, как оценивал Зб. Бжезинский права человека еще до падения СССР: „Появление идеи прав человека не только заставило существующие коммунистические режимы занять оборонительную позицию, но и – с глобальной точки зрения – послужило отделению коммунизма от демократии. Благодаря концентрации внимания всего мира на отрицании свободы выбора при коммунизме, на попрании прав индивидуума, на отсутствии правового механизма и на политической монополии как на средства массовой информации, так и на экономическую жизнедеятельность, была более четко выявлена связь между многопартийной системой, рыночной экономикой и подлинной демократией“²⁴.

Прошло немного лет – и что же? Именно теперь, в эпоху трансформации, западной системе предстоит подтвердить приверженность

²³ Проблемы теории и практики управления. 1995. № 1. С. 17.

²⁴ Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 275.

правам человека и свободе выбора – выдержит ли сам Запад это испытание?

Положение осложняется тем, что слишком многое на фасадах западного мира теперь выявляет себя как средство агитации и пропаганды. И на этой почве происходят новые процессы в сознании миллионов людей.

Поистине колоссальное значение мог бы иметь прорыв к подлинной демократии в России. Однако надежда на демократическую элиту в России не подтвердилась. Все ныне убедились в нравственной, политической и научной несостоятельности „демократов” в постсоветских государствах: пропагандистская риторика дискредитировала своих носителей, их аудитория в наши дни сократилась в десятки раз, их аргументация вызывает стойкое психологическое неприятие у большинства.

Если в сфере техники и экономики западные государства демонстрируют свое неоспоримое преимущество, то в сфере культуры мы не находим подтверждения их преобладания. И это не вопрос политической установки, это вопрос конкретного исторического опыта. Последнее десятилетие подтвердило, что „чудовищное насилие сопровождает любую революцию, если даже ее назовут „бархатной”, „мягкой”, „тихой” или „шелковой”, уж такова цена „революционной демократии”, которой крепкий, огне-стрельно-вооруженный жандарм с совершенной техникой нужен сразу же после победы над оппозицией”²⁵.

Если мы заглянем на четыре тысячелетия в глубь истории, то обнаружим, что наш вывод только повторяет уже открытое. Папирус „Речение Ипусера”, описывающий „революционные” дикости, произошедшие около 1750 г. до н.э. в Египте, полон указаний на страшный смысл переворота: „Земля перевернулась подобно гончарному кругу... Города разрушены. Юг превратился в пустыню... Людей стало мало... То, что слышно в стране, это стенания, смешанные с воплями... Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться”²⁶. Известна роль „интеллигенции” в раздувании безмерных упований народа на „перестройку”. Теперь мы наблюдаем обратный процесс: за „интеллигенцией” никто не признает ныне права на вынесение окончательных моральных вердиктов: „Не только в литературе, и в жизни потускнели и стерлись такие нравственные понятия, как товарищество, дружба, верность слову, добропорядочность, профессиональное уважение. Не труд, а предательство стало для некоторых делом доблести и героизма. И случилось это на наших глазах, за какие-нибудь последних пять-шесть лет”²⁷.

Обращаясь к вопросам идеологических, культурных перемен, целесообразно с самого начала отмежеваться от любых попыток примитивных социологических замеров. Самым правильным было бы стереоскопическое изображение самой действительности каждого трансформирующегося общества – согласно тому неоспоримому принципу, который

²⁵ Слово. 1994. № 9-10. С. 34.

²⁶ Александров Г.Ф. История социологических учений. Древний Восток. М., 1959. С. 83.

²⁷ Слово. С. 37.

установил еще О.Шпенглер, пытаясь найти общие пружины всех исторических превращений²⁸.

Энциклопедически насыщенное исследование Т. Ехансона и Ф. Мигеля „Делай доброе. Образ жизни и идентичность в современной молодежной культуре”, изданное в Стокгольме в 1992 г., утверждает, что „в течение XX столетия процесс индивидуализации необычайно ускорился, ориентируясь на изменения ценностей человека на Западе. Рост материального благосостояния создал общий опыт материальной и физической безопасности для основной части населения. Ценностные ориентиры западного человека повысились прежде всего в сфере нематериальных аспектов жизни. Психологический рост, самореализация, личное развитие стали центральными факторами”²⁹.

Процесс трансформации в Восточной Европе, конечно, мощно потряс здание ценностных ориентиров, особенно среди молодежи, однако общее здание культурного наследия, как мне представляется, все же устояло, и хотя жизнь большинства населения в трансформирующихся странах протекает в условиях материального обнищания, основные ценности не погибли вовсе, но как бы законсервировались, тихо продолжают действовать и, надо думать, еще выступают в качестве ферментов для духовной конвергенции противостоящих частей человечества.

Весьма существенная ломка идеологических основ общества произошла в республиках СССР еще в годы перестройки. Однако ее радикальность никак нельзя переоценивать. То, что на ура принималось в начале 1992 г. (например, О. Ожерельев: „Идея социализма окончательно дискредитирована”), в 2004 г. уже не воспринимается как бесспорное положение. Ныне большинство уже не считает, что народы повсеместно встали на путь гуманизма и прав человека, потому что факты жизни внесли свои отрезвляющие поправки. Разумеется, общественному сознанию предстоит усвоить новые принципы общественной организации. В экономике – это многообразие форм собственности и хозяйственная необходимость полноценного, регулируемого рынка. В социальной сфере – это признание реальной дифференциации социальных интересов и создание механизмов их гармонизации. В политике – это принципы демократии, политического плюрализма и многопартийности. В духовной сфере – многообразие культур, мировоззренческих позиций, свобода творчества.

Академик Л. Абалкин, директор Института экономики РАН, в начале 1992 г. изложил свою оценку общественных отношений, отразившую сложность трансформационных процессов в духовной сфере: „Пришло время для серьезной научной разработки проблем рынка, понимания его связей с другими экономическими и социальными процессами, внедрения хотя бы основ знаний о рынке в массовое сознание.

²⁸ Шпенглер Освальд. Закат Европы (очерки морфологии мировой истории). С. 289.

²⁹ Thomas Yohansson and Frederik Migel. Do the Right Thing Lifestyle and Identity in Contemporary Youth Culture. Stockholm, 1992. P. 304.

Рынок, как и многие аналогичные понятия, – это предельно общее, во многом собирательное понятие. Ведь существует рынок товарный и финансовый, существует рынок внутренний и внешний, региональный и продуктовый, сбалансированный и несбалансированный, монополизированный и т. д. Что касается широко употребляемого понятия „свободный рынок“, то это такой же идеологический штамп, каким было в свое время понятие общественной собственности ...

В понятии социально ориентированного рынка обобщенно отражается исторический опыт его развития, его обогащение целым рядом регуляторов и социальных институтов. В нем отражены особенности современных моделей функционирования рыночного хозяйства. Однако во всех случаях рынок не является самоцелью для общества. Он формируется в рамках более общих структур и тех целей, которые обеспечивают прогресс общества, которые способны стать объединяющим и вдохновляющим началом в деятельности миллионов людей... Речь должна идти о создании высокоэффективной современной экономики, соответствующей высшим мировым достижениям, об экономике гибкой и восприимчивой к научно-техническому прогрессу, к изменениям в структуре общественных и личных потребностей. Об экономике, способной обеспечить высокий уровень и качество жизни, вызвать чувство гордости за принадлежность к данному обществу”³⁰.

В перестроечной лихорадке как-то упускается порой из виду, что постоянный социокультурный зондаж составляет важнейший рычаг политики и управления. Между тем проблемы качества жизни всерьез не исследуются и в программах развития не присутствуют. Общественное мнение во всех постсоциалистических странах, хотя и в разной степени, преисполнено желанием видеть не просто рыночное хозяйство, а социально ориентированное рыночное хозяйство, прекрасно понимая, что это предполагает.

Политикам стран СНГ, например, невозможно упразднить всю систему социальной защиты, не ставя под вопрос всю политическую систему, **прошлый режим развил определенную социальную культуру, отказаться от которой, вероятно, не пожелает уже никто.**

Реальная политика трансформации должна учитывать фактор состояния культуры, морали и традиции общества. Новые социальные ценности, нормы и мотивы поведения могут сформироваться только в результате долговременного воздействия среды, и то при условии, что сама среда не посягнет на характер народа.

Привязанные к будням, мы лишь с трудом можем окинуть взором духовное пространство последних 10-15 лет. Но тому, кто в состоянии это сделать, открывается не только моральное падение общества, но и его стремительный интеллектуальный рост, в отдельных „точках“, к сожалению, но рост неоспоримый: многие нашумевшие статьи 1980-1992 гг.

³⁰ Общество и экономика. 1992. № 1-2. С. 94-95.

воспринимаются ныне уже как пустышки – мы так далеко ушли в освоении исторической практики, что „размышлизмы” не могут ввести нас в заблуждение. Это не значит, что мы, вслед за К. Поппером, станем утверждать, будто невозможно увидеть историческую перспективу, это значит, что мы видим эти перспективы уже иначе, чем „исследователи”, напористо осваивавшие словарь перестройки.

Один из самых глубоких русских мыслителей XX века И. А. Ильин, анализируя истоки Октябрьской революции 1917 года, которую он воспринимал как трагическое и навязанное начало, отмечал: „Кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный... России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны **свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи**. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять **все основы нашей культуры**”³¹.

Мне претят идеологизированные подходы к оценкам духовно-культурных смещений. Приблизительность в сферах, ставших бытом и судьбой миллионов, представляется мне предосудительной. С этой точки зрения весьма характерна статья Л. Гудкова и Б. Дубина „Без напряжения” (заметки о культуре переходного периода), опубликованная в „Новом мире”³². Она опирается на результаты социологического исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в мае 1992 г. Время для обобщений было выбрано не самое подходящее, потому что в этот период еще продолжали функционировать практически все культурные институты распавшейся системы. Это было время массовой эйфории, ее и отразили, вольно или невольно, указанные авторы.

Они утверждают, что ни о какой катастрофе в сфере культуры не может быть и речи: исчезновение одной модели организации культуры или трансформация одного слоя носителей этой модели вовсе не означает краха или конца культуры. Они признают, что окончательно развалилась централизованная система государственного тиражирования признанных образцов и надзора над культурой, делавшая осмысленным существование массовой интеллигенции и предоставлявшая ей определенные привилегии. Вместе с тем, как утверждают авторы, открылись десятки новых издательств: частные фирмы, число которых перевалило за три с половиной тысячи, контролируют ныне 44% книжного рынка России. Выходят сотни новых газет и десятки новых журналов, альманахов, в том числе и специализированных – от философских до предпринимательских, включая типы изданий, раньше вовсе не существовавшие: от фантастики и детектива до эротики и астрологии. Сформировалась новая культура

³¹ Ильин И.А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск. 1991. С. 5-6.

³² Новый мир. 1993. № 2.

видеофильмов, кабельное телевидение. По данным одного из опросов ВЦИОМ (май 1992 г.), 4% населения России имеют дома „видак“, 14% пользуются кабельным телевидением, растет аудитория западных теле- и радиостанций. Как бы там ни было, продолжают работать массовые библиотеки.

„В бездуховности принято чаще всего обвинять молодежь. Поэтому отметим, что по всем признакам культурной активности лидируют молодые (до 25 лет). Показатели их поведения как потребителей культуры в два-три раза выше, чем у других категорий населения. Три четверти их как минимум ежемесячно бывают в кино, 53% – в книжных магазинах и библиотеках. Они чаще других (23% против 14% в среднем) пользуются словарями и энциклопедиями, читают на иностранных языках (10% в сравнении с 1% в среднем). Важно еще одно: обычно это молодые женщины. И значимость всего связанного с культурой (переживание искусства как высокого праздника, самозабвение в иной, не будничной реальности), и частота контактов с книгой, театром, музеем, кино – достояние прежде всего именно молодых женщин.

Итак, сколько-нибудь серьезных оснований ни для паники по поводу состояния культуры, ни для бичевания „бездуховной“ молодежи нет³³.

Каждому россиянину сейчас без данных ВЦИОМа ясно, что эта радужная картина уже в далеком прошлом и отразила она, помимо новых идеологических установок, как пылкие надежды народа, начитавшегося бодряческих пророчеств в духе обещаний очередного рая, так и устойчивость самой советской культуры, которая, судя по выводам специалистов, все еще не прекратила полностью своего существования, все еще продолжает оказывать гигантское влияние на конфигурацию духовных событий.

Впрочем, авторы статьи признали „исчезновение общности интеллигентского чтения“, то есть потерю общности духовной жизни, которая была характерна для послевоенного Советского Союза вплоть до мрачного застоя, последнего этапа брежневщины. Признали авторы (косвенно) и падение авторитета „духовных кумиров“, запачкавших себя соучастием в „предвыборном объединении политической оппозиции“³⁴.

Сегодня об этом (былом) авторитете более никто и не вспоминает и полемики о роли интеллигенции не ведет, потому что реальность „нового мира“, к которому призывала эта „интеллигенция“, оказалась совершенно иной: убийства, шантаж, обман, алкоголизм, наркомания, детская беспризорность, бомжи, самоубийства, хроническое недоедание и полная бесперспективность.

На каком-то этапе разрушения могло показаться, что „только теперь“ настало „время для профессиональной работы“ и что классика – средство „уйти от неприятного вопроса об индивидуальной состоятель-

³³ Там же. С. 242-243.

³⁴ Там же. С. 243.

ности³⁵. Могло показаться, что „со сцены уходит интеллигенция как служивое чиновничество от культуры“³⁶. Лукавство это или убеждения – не имеет значения. Углубление процессов трансформации вновь восстанавливает значение классики и роль национальной элиты. Напротив, элита, рвущая связи с народом, вызывает сегодня все большее осуждение.

Никакая трансформация, вероятно, не может упразднить такую интеллигенцию, которую волнуют проблемы развития общества, в которой накапливаются все новые и новые противоречия.

Велики перемены в духовной жизни трансформирующихся стран. Но мы не смеем создавать ложное впечатление о реально совершающемся процессе переориентации массового сознания. Вовлечение в оценки вчерашних, идеологизированных установок способно породить новые штампы восприятий как на Востоке, так и на Западе, что вряд ли будет служить успеху построения новой цивилизации. Между тем эти штампы мультиплицируются и навязываются общественному мнению.

„Эта агрессивная самоинфантилизация, которая превращает любое социальное взаимодействие в отношения зависимых и ущербных, мстящих друг другу партнеров, – пишут авторы „Заметок о культуре переходного периода“, – лежит в основании нашей социальности. Ее можно рассматривать как матрицу русской ментальности, переживающей перманентное „ослепление“ перед воображаемым Западом. Таков модернизационный комплекс великой державы, находящейся в ситуации постоянного, по меньшей мере двухсотлетнего, вхождения в „семью европейских народов“. Но этот же комплекс и блокирует завершение модернизации, обретение самодостаточности индивида, осознание себя в настоящем времени – времени действия... Все свое, все сколько-нибудь значимое, жизненно затрагивающее может восприниматься лишь как повод для тревоги, беспокойства, то есть в негативной форме страха его потерять. Подобная уязвленность – как будто единственная возможность пережить чувство обладания. Важно, что другим при этом заведомо отказывается в признаках полноценности. Стоит чужакам проявить хоть какие-то признаки самостоятельности, претензии на равенство, как это тут же вызывает раздражение (в качестве „чурок“, „чукчей“, или „козлов“ они, что называется, вполне устраивают). Не случайно именно среди пожилых и тихо озлобленных людей демонстрирует самые высокие индексы этническая ксенофобия в целом. Но сильнее и вместе с тем незаметней подобные механизмы действуют в сфере ближайшего окружения, включая семью“³⁷. Это – штампы извращенного восприятия действительности, мифологизирующие фактические социокультурные факты, сводящие массовые процессы к местечковой конфликтности, – здесь и не пахнет анализом собственно духовных смещений.

³⁵ Там же. С. 244.

³⁶ Там же. С. 245.

³⁷ Там же. С. 247.

Каждое трансформационное общество одновременно выражает две линии развития, связанные с надеждой и сомнением, и в этом нет никаких этнических особенностей, это нормальная психологическая реакция на перемены, не гарантирующие конечной цели.

Смена социально-культурных ориентиров, и весьма существенная, разумеется, происходит. Для определенной части общества постсоциалистических стран трансформационный процесс означал прорыв в родную стихию, но для подавляющего большинства новые стандарты отношений едва ли могут напрямую увязываться с ожидаемыми стандартами личного преуспевания. В настоящее время изменения в социокультурной сфере напрямую связаны с выходом обществ из кризисного состояния – и только. Говорить всерьез о каком-либо поступательном развитии этой сферы совершенно нет оснований или, по крайней мере, преждевременно. И это касается не только России, Украины или республик, образовавшихся на обломках бывшей Югославии и ныне разрушенных войной.

Можно придумывать весьма остроумные публицистические ходы, как бы подбадривающие „отцов перемен“, можно вдохновлять себя перспективой развития „внутренней цивилизованности“ за счет форсированного потребления „порнухи“ и „чернухи“ как составных „массовой культуры“, но строить на этом жидком фундаменте политику изменений, вовлекая для этой цели огромные материальные ресурсы, просто несерьезно.

Скажем, феномен довольно значительного усиления религиозности во всех без исключения постсоциалистических странах, с одной стороны, отражает разочарование провалом „коммунистического эксперимента“, но ведь, с другой стороны, в этом феномене проглядывает и отказ принять существующие тенденции в качестве оптимальных.

Так что простой, непредвзятый взгляд на вещи открывает перед нами реальности, требующие не столько обработки дезодорантами со стороны новых „идеологов“ (как правило, исполнявших ту же роль и прежде, только в иной знаковой системе), сколько помощи в разрешении конкретных общественных проблем.

Пока такого понимания явно недостает: и отечественные экстремисты всех оттенков, и зарубежные вдохновители скорейших перемен любой ценой – все они руководствуются вчерашними подходами и вооружены вчерашней методикой, которая была **эффективна для разрушения, но абсолютно непригодна для созидания**. Или созидание видится только в разрушении, в „кастрации элиты как смыслопродуктивной группы инноваторов“?³⁸

„Рыночная экономика“ – это прежде всего детерминированная определенными социокультурными ценностями среда. Среда – разгосударствление и ценные бумаги, среда – новые гражданские кодексы и конституции. Налицо прямые и обратные связи. Но вместе с тем здесь нет или, точнее, не должно быть жестких конструкций и новых императивов,

³⁸ Там же. С. 251.

потому что общество усвоило установку на демократизацию и шило на мыло менять, в конечном счете, не будет. И тем более не будет, убеждаясь в том, что все проблемы трансформации – „это только ваши проблемы“. Запад, в конце концов, осознает свою долю ответственности и увеличит, если сумеет, свой вклад, но оплачивать трансформацию, разумеется, не будет. Именно поэтому он должен принять, что трансформация изберет пути, которые не будут в тягость остальному миру, – все очень логично, когда люди и общества действуют свободно, сообразуясь с внутренней логикой своих возможностей. В конце концов, именно эти сегодняшние массы несут в своих устремлениях прообраз завтрашних реальных социальных и экономических структур.

Патернализм представляется неким доктринерам чуть ли не антиномией рынку. Но по мере разрушения патернализма как давнишней и стойкой черты народной жизни, причем не только в славянских странах, но практически во всех странах СНГ, мы получаем национализм как иную форму солидарности. То же – в отношении многих других параметров социокультурного бытия.

Так что задача заключается отнюдь не в разрушении, а в использовании, приспособлении существующих особенностей и своеобразия к общим, но действительно общим, потребностям развития. Какую бы культуру мы ни исповедовали, если в XXI веке различие в положении народов будет примерно таким, каким оно остается в положении социальных страт реформируемых государств, это не завершится закреплением нынешней геополитической парадигмы.

Процесс трансформации, как приходится убеждаться, нигде не идет по-джентльменски с учетом обоюдных интересов сторон: повсюду сильный навязывает свою одностороннюю волю. Но по мере выхода населения из состояния шока начинаются и даже усиливаются дискуссии на тему о том, что нужно создавать и что нужно уничтожать даже в условиях новой системы политических и социальных координат. Так, в восточных землях ФРГ группа исследователей предприняла весьма успешный анализ опыта деятельности системы образования в ГДР, настойчиво предлагая учесть отдельные стороны этого опыта.

Причем проблема ставится не в ностальгическом смысле, а с точки зрения более полного усвоения новых ценностей в новых поколениях. Вот как формулируется эта задача: „...Во всех западных индустриальных странах структурные преобразования достигли таких темпов и требуют такого размаха, с которым нельзя справиться существующими способами. Сильные, но исчезающие вихри перемен на важнейших внутренних и внешних рынках сбыта, появление новых конкурентов, которые часто используют механизм более низкой оплаты труда, но демонстрируют быстро растущую техническую компетентность, драматическое ускорение инновационной доли в товарах и технологиях требуют от немецкой экономики, если речь идет о том, чтобы сохранить достигнутый уровень благосостояния, изменений в структуре отраслей и производства,

в организации предприятий и труда, в выборе позиций, в отношениях кооперации и поставок, которые значительно превосходят масштабы того, чего мы достигли за последние десятилетия”³⁹.

Это очень серьезная постановка вопроса. На его фоне тревожно обрисовывается факт, что в странах СНГ, где, казалось бы, давно должен был бы уже наблюдаться бум инноваций, все еще продолжается успокоительная спячка „посткоммунистического свойства”. Какие же еще побудительные мотивы должны возникнуть? Голод? Гражданская война?

Речь идет не только о новых способах и методиках образования и переквалификации, ставится задача коренного изменения содержания и направлений деятельности работников, занятых кадрами. Сегодня нужно добиться такого положения, чтобы все занятые на рабочих местах постоянно адекватно реагировали на перемены в квалификационных потребностях. В интересах предприятия – максимально использовать личные возможности каждого работника. Но, увы, задачи такого уровня мы пока можем обсуждать только в специальной литературе, практических разработок на этот счет не видно.

Трансформация ставит еще один важный вопрос – об информационном (идеологическом) обеспечении реформ. Лишь теперь, когда все мы хлебнули от „рынка”, становится понятнее многое из того, на что мы не обращали внимания.

А.Зиновьев, приехав в Москву, высказал несколько нетривиальных суждений о западной системе жизни, которые уместно привести здесь, поскольку мы ведем речь об информационном обеспечении „рыночных отношений”: „У нас ведь изображают дело так: в России – засилье идеологии, на Западе – свободная научная мысль. Ничего подобного. На Западе такое же засилье идеологии. Западная социология – это идеология, и она еще дальше от реальности, чем советская идеология. Конечно, советская идеология излагалась бездарно, била прямо в лоб. На Западе вы не сможете отделить идеологию от науки. Между тем западное общество в огромной степени идеологизировано, и советское идеологическое оболванивание – ерунда в сравнении с тем, что там делается. Кстати, одна из причин краха советской системы – именно в слабости идеологической обработки людей, в ее поверхностности”⁴⁰. И еще одно важное замечание: „В современном западном обществе государство – это политическое и экономическое явление. Оно не просто служит экономике, а само есть часть современной сверхэкономики. Одним из важнейших признаков западнизма является то, что западное общество несет в себе идею денежного тоталитаризма, денежной диктатуры. Западнизм – это общество денежного тоталитаризма, а государство – часть механизма этого тоталитаризма (крупнейший держатель денег, распорядитель кредитов и т. п.)”⁴¹.

³⁹ Strukturwandel und Weiterbildung. Zweite bildungspolitische Zwischenbilanz. Berlin, 1994. Heft 25. S. 17.

⁴⁰ Социально-политический журнал. 1994. № 9-10. С. 224.

⁴¹ Там же. С. 226.

Период трансформации общества – это также и период приспособления к новым способам поддержания престижа и получения заработка. Увы, этот период отмечен практически повсеместным снижением моральных критериев, столь важных для успешной научной деятельности. Приведу примеры по России (в других странах СНГ положение еще хуже, еще драматичнее). Часть экономистов и социологов, отложив недописанные страницы по „анализу социализма”, тут же приступили к „анализу переходного периода”, стараясь угодить правящим кругам, подстроиться под их лад мышления. Вдруг стали изображать дело таким образом, будто 70 лет драматической советской истории вроде и не оставили никакого следа на содержании жизни и облике народа. Его менталитет начали выводить из писаний В. Соловьева и Н. Бердяева. Народ попал в „азиаты”, и банальным штампам агитпропа („винтик”, „совок”) стал придаваться некий „научный” смысл. В этих условиях предвзято толкуются социальные события; дефицит, например, объявлен самой существенной чертой „плановой экономики”, что, конечно, крайне поверхностно.

Поверхностное понимание сути советского общества, разумеется, ведет к поверхностному толкованию сути новейшего периода истории. Вчерашние апологеты Политбюро сегодня заявляют, что прогрессивное развитие российского общества не может состояться без преодоления „тоталитаризма и его последствий”. Но за формальной полемикой с обилием междометий не просматривается какой-либо определенности.

„Преодоление тоталитаризма выступает как стратегическая задача, формирует, можно сказать, стратегию-минимум”⁴². Если всерьез поверить этим словам, складывается впечатление, что тоталитаризм не только не разбит, но еще более усилился.

Всего более удручает повторение новых клише пропаганды. Уважаемые люди, ужасно упрощая, пишут: „В социально-нравственном аспекте стоит задача изменения самого характера общественного менталитета, определяющего поведение людей: от пассивно-иждивенческого к активно-предпринимательскому”⁴³. Но, во-первых, сказанное не имеет отношения к менталитету вообще. Во-вторых, можно подумать, что десятки миллионов людей „при социализме” стояли с открытыми ртами и ожидали начальственной амброзии. Да, люди не получали достойной оплаты за труд в прямом виде, но по крайней мере часть долга выплачивалась им в иной форме (дешевые квартиры, бесплатное образование и медобслуживание, детские учреждения и т. п.). О каком иждивенчестве идет речь?

Или утверждают, и, на первый взгляд, все вроде верно: „Основа новой парадигмы – смена доминант, переход от доминирующих до сих пор в развитии производственно-экономических факторов к доминированию факторов социокультурных. Как отмечалось выше, это не означает утраты производственно-экономическими факторами своей определяющей роли в удовлетворении потребностей людей. Это означает лишь их такое

⁴² Экономика переходного периода. С. 90.

⁴³ Там же. С. 91.

высокое развитие, которое позволяет взять эстафету доминанты факторам другим – социокультурным.

Новая парадигма по-иному представляет черты будущего устройства общества: определенность форм присвоения материальных средств производства сменяется их размытостью, плюрализмом, когда не только исчезает альтернатива – частная или общественная собственность, но и каждый человек включается в экономическую систему как носитель целого „пучка прав” собственности: труд в материальном производстве, оставаясь, естественно, необходимостью, перестает играть главную критериальную роль в распределении результатов производства; в общественном регулировании на первый план выходит движение информационных потоков, развитие и использование научного знания; человек из объекта в общественном производстве превращается в активного субъекта, развитие которого реально становится высшим критерием прогресса”⁴⁴.

И дальше: „Характер новой парадигмы, иными словами, означает переход к трактовке ступеней развития человеческого общества от критерия способов производства материальных благ к критерию иному – способы саморазвития человека. Новая парадигма в этом смысле как бы „снимает” линию „капитализм-социализм (коммунизм)”⁴⁵.

Чего больше в этих послылках, общих слов или незнания реального положения, трудно сказать. Во всяком случае, миллионы „активных субъектов” с удовольствием бы занялись своим развитием, но не могут заработать даже на восстановление своей весьма квалифицированной рабочей силы. Что они могут при этом думать о „движении информационных потоков”, изложению в открытой печати, вероятно, не подлежит.

Одно из самых замечательных достижений трансформации, на мой взгляд, заключается в том, что новая ситуация со всей беспощадностью и определенностью обнажила гигантские пласты псевдознания и невежества, которые маскировались под бутафорию „марксистско-ленинской науки”. Лица, занимавшиеся профанацией, мимикрировали почти мгновенно, но пользы от них как не было, так и нет: они занимаются профанацией и теперь, **делая вид**, что обслуживают „всемирно-исторический переход к новой парадигме”.

Деятели Востока и Запада, не потерявшие способности к трезвой оценке событий, должны понять, что эпоха трансформации несет **общее прозрение**, и сколь ни приятно иметь дело с умельцами цитировать „Econotomics”, практической пользы от таких умельцев для реального построения новых экономических моделей нет никакой.

Очковитательство и „липа”, которые были характерны для советской жизни, особенно в период „горбачевщины”, остаются самой характерной приметой общественной жизни стран СНГ и в период трансформации. Увы, приходится ставить под сомнение иные политологические, экономические и социологические „исследования”, нельзя целиком полагаться

⁴⁴ Там же. С. 93.

⁴⁵ Там же. С. 93.

и на существующую статистику. В этом смысле вряд ли принесет большие перемены переход стран на СНГ– статистическую модель рыночной экономики, одобренную в конце 70-х годов Статистической комиссией ООН и пересмотренную в 1993 г. по предложению МВФ и Европейского союза.

Период трансформации, воспринимаемый объективно, приучает всех нас вместе и каждого в отдельности к личному созидательному вкладу в любое дело. Может быть, новая ответственность, контролируемая спросом и предложением, и явится самой значительной предпосылкой для построения практически действующей модели рыночной экономики.

Говоря так, я, разумеется, не хочу принизить роли и значения советской исполнительской культуры, в конце концов, подорванной гегемонией руководящего бюрократа и безответственного чиновника.

На Западе давно уже не продохнуть от своей бюрократии и преступности, но это все в пределах сложившихся „стандартов“. Когда же на Западе очутилась „русская мафия“ (название очень условно), мировая общественность была потрясена многообразием совершенно „нестандартных“ подходов к обогащению. Не исключено, что подобный же „потенциал“ нестандартности сохраняет и наука, и новая статистика в странах СНГ.

Вся система отражения действительного положения, работа в режиме аберрации, позволяет весьма существенно искажать сущность трансформационных процессов, поэтому в странах СНГ далеко не все известно о действительном положении. Эмпирический материал свидетельствует о том, что трансформация уже произвела огромные перемены и „трудности ее углубления“ лежат совсем не в тех плоскостях, о которых говорит „демократическая“ и „радикальная“ литература.

Таким образом, **трансформационный процесс выявил кризис управленческих кадров**, которые в процессе совокупной деятельности обязаны формировать климат исполнительской дисциплины и приоритеты, отражающие социально-политическую роль государства, но и кризиса новой власти, не способной дать полноценных решений кадрового положения.

Если быть вполне последовательным, то в сферу наших исследований необходимо вовлечь также и трансформацию **моделей мышления**, при том понимании этой проблематики, как она изложена в замечательной работе немецкого философа и социолога Карла Манхейма „Диагноз нашего времени“. Вырастая на почве существующего, преобладающего, тип мышления оказывает весьма существенное влияние на формирование общественного облика, особенно на этапе, когда переоценкам подвергаются огромные массивы человеческого опыта. Конечно, при этом нас интересует не то, отчего один и тот же мир представляется разным различным наблюдателям, а то, каким образом изменившиеся представления воздействуют на конфигурацию перемен.

Поскольку у меня нет возможности дать конкретный анализ этой примечательной во всех отношениях проблемы, хотелось бы, по крайней

мере, обратить на нее внимание, напомнив точку зрения К. Мангейма. Этот социолог выделял в обществе ту социальную группу, которая выполняет функцию идеологов, „интерпретаторов” мира, называя ее „интеллигенцией”. Чем статичнее общество, тем более вероятно, что этот слой обретет в нем определенный статус, превратится в касту, утверждал ученый, рассматривая шаманов, брахманов и средневековое духовенство как интеллектуальные слои, обладающие, во-первых, монополией идеологического контроля, а во-вторых, монополией „судейства”, т. е. сглаживания противоречий. Он полагал, что эту вторую функцию выполняют прежде всего проповедь, исповедь, вероучение.

„Этот слой интеллектуалов, организованный в виде касты и монополизирующий право проповедовать, учить и создавать свою интерпретацию мира, обусловлен двумя социальными факторами. Чем в большей степени он становится выразителем некоего строго организованного коллектива (например, церкви), тем сильнее он склоняется в своем мышлении к „схоластике”...

Второй характерной чертой этого монополистического типа мышления является его относительная отдаленность от открытых конфликтов повседневной жизни; следовательно, оно и в этом смысле „схоластично”, т.е. академично и безжизненно. Этот тип мышления складывается не в непосредственной борьбе за решение жизненных проблем, не как результат испытаний и заблуждений или попыток господствовать над природой или обществом – он прежде всего удовлетворяет собственной потребности в систематизации, в силу которой все факты религиозной сферы и других сфер жизни соотносятся с традиционными данными и неконтролируемыми предпосылками...

Решающим фактором современности, отличающим ее от ситуации, сложившейся в рамках средневековой жизни, является, с социологической точки зрения, то, что монополия церковной интерпретации мира, принадлежащая касте священнослужителей, сломлена и место замкнутого, строго организованного слоя интеллектуалов заняла свободная интеллигенция, для которой характерно то, что она все больше рекрутируется из постоянно меняющихся социальных слоев и жизненных ситуаций и способ ее мышления не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации типа касты. Ввиду отсутствия у интеллигенции собственной социальной организации, она могла стать рупором тех типов мышления и опыта, которые открыто соперничали друг с другом в обширной сфере действия других слоев. Если далее принять во внимание, что в результате устранения монополистических привилегий, характерных для общества, разделенного на своего рода касты, различные формы интеллектуальной продукции подчинялись законам свободной конкуренции, то становится понятным, почему в ходе этого соперничества интеллектуалы все более открыто принимали самые различные имеющиеся в обществе типы мышления и опыта и использовали их в борьбе друг против друга. Они были вынуждены поступать таким образом потому, что им приходилось бороться

за благосклонность общества, которое, в отличие от клерикального, уже не принимало покорно, без определенных усилий, предлагаемую ему концепцию...

В ходе этого процесса исчезает иллюзия, будто существует только один тип мышления. Интеллектуал уже не является, как прежде, членом касты или класса, чей схоластический образ мышления представляет для него мышление как таковое. В этом сравнительно простом процессе следует искать объяснение того факта, что фундаментальная переоценка мышления в новое время стала возможной только после устранения интеллектуальной монополии духовенства. Почти единодушно принятое, искусственно сохраняемое представление о мире рухнуло в тот самый момент, когда была уничтожена социальная монополия его создателей. Вместе с освобождением интеллектуалов от строгой церковной организации все в большей степени получали признание иные способы интерпретации мира.

Уничтожение духовной монополии церкви вызвало внезапный, дотоле неведомый духовный расцвет. Однако вместе с тем распад организационного единства церкви, безусловно, привел к тому, что существующая с классической древности вера в единство и вечную природу мышления вновь испытала потрясение. Глубокое беспокойство наших дней уходит своими корнями в этот период, хотя в последнее время определенную роль в этом процессе стали играть и совсем иные по своей природе факторы. На этой первой стадии глубокого беспокойства современного человека сложились те совершенно новые типы мышления и исследования в области гносеологии, психологии и социологии, без которых мы теперь не могли бы даже сформулировать интересующие нас проблемы⁴⁶.

Если проследить за процессами духовного „окармливания” общества на современном этапе, возникает вопрос: а не находимся ли мы ныне в той точке общего развития, когда **должен совершиться новый поворот в стиле нашего мышления?** И более того: не потому ли мы так безуспешно бьемся над простейшими проблемами функционирования общества, что лишены этого нового и, может быть, единственно верного для новой эпохи научного взгляда?

Касаясь этого тонкого вопроса, невольно обращаешься к Гюставу Лебону: „Для того, чтобы какой-либо народ преобразовал свои учреждения, свои верования и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу; для того, чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он был в состоянии передать ему также свою душу”⁴⁷.

Знаменитый социолог подчеркивает: „Если трудно внушить новую идею, то не менее трудно уничтожить старую. Человечество постоянно с отчаянием цепляется за мертвые идеи и мертвых богов”⁴⁸. И дальше:

⁴⁶ Манхейм Карл. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 15-17.

⁴⁷ Лебон Гюстав. Психология народов и масс. С. 13.

⁴⁸ Там же. С. 9.

„Разве не постоянная погоня за химерами составляла до сих пор главное занятие человечества?“⁴⁹

Касаясь понятия расы, Лебон утверждал, что „судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие“⁵⁰. И подчеркивал: „Народ может потерять очень многое, претерпевать всевозможные катастрофы и быть еще в состоянии подняться. Но им все потеряно, и ему уже никогда не подняться, если он потерял свою душу“⁵¹.

Никто в настоящее время не скажет, поставлено ли под вопрос процессом трансформации „сохранение душ“ многих народов, но совершенно очевидно, что отдельные экстремисты и фанатики „революции“ направляют свои усилия именно на достижение опасных планов духовного геноцида.

Со времен „Нового индустриального общества“ Дж. Гэлбрейта прошло почти 30 лет, но все перемены показали только одно: позиция Запада не только не либерализировалась, но стала более жесткой и однозначной. Вынужденно джентльменский диалог уступил место нудному монологу, и это удручает. Старый жупел „коммунизма“, фактически подтвердивший свой надуманный характер (Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе, Назарбаев, Алиев, Каримов – представители высшего эшелона КПСС), модифицируется с таким расчетом, чтобы сохранить напряженность и конфронтацию. Как это ни странно, западное общество знает о своих действительных интересах и потребностях еще меньше, нежели 30 лет назад: оно точно так же, как и социалистическое общество, давно стало пленником политической пропаганды, позволив разрастись ей до гипертрофированных масштабов.

Выдающийся мыслитель Дж. Кеннет Гэлбрейт был экономистом. Но он прекрасно понимал соотношение экономики и политики. Понимал и то, замалчиваемое ныне, обстоятельство, что социализм обновил опыт капитализма и влил в его жилы много свежей крови. Гэлбрейт размышлял о синтезе западной и советской системы, рассуждая об этом с научной точки зрения и вряд ли создавая, сколь могущественны силы, для которых научные подходы не имеют существенного значения. Такие силы были не только в США, но и в СССР.

Тем не менее многие наблюдения и выводы этого стратега стоило бы постоянно держать перед глазами, чтобы не впасть в фантазерство или упрощенчество:

1. Рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но все более и более приспособляется к нуждам и потребностям хозяйственных организаций⁵².

2. Крупная организация в состоянии выдержать неопределенность рынка, но она непосильна для небольшой фирмы⁵³.

⁴⁹ Там же. С. 11.

⁵⁰ Там же. С. 20.

⁵¹ Там же. С. 47.

⁵² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 31.

⁵³ Там же. С. 69.

3. Источник власти в промышленном предприятии перемещается от капитала к организованным знаниям. „Можно предполагать, что это найдет отражение в перераспределении власти в обществе”⁵⁴.

4. „Внутри себя реальность всегда гармонична”⁵⁵.

5. „Прогнозы бывают разумные и глупые, но разница между ними не так уж очевидна”⁵⁶.

Стоит выделить суждения Гэлбрейта о государстве, хотя бы применительно к некоторым его функциям. Ученый пишет: „Там, где существует противоречие между промышленными нуждами и эстетическими требованиями, именно государство должно встать на защиту последних. Только оно в состоянии оградить поля и леса от линий электропередачи, от лиц, стремящихся превратить их в площадки для рекламных щитов, от лесопромышленников, шахтовладельцев и очень часто от хищников, действующих от его же имени. Только государство может постановить, что некоторые формы использования предметов потребления несовместимы с эстетическими требованиями: превосходным прецедентом для этого могло бы стать запрещение автомобильного движения в деловой части крупных городов. Только государство может защитить радиослушателей и телезрителей от пестрой безвкусицы либо дать им возможность слушать другие передачи, свободные от этого порока. И если бы предпочтение было отдано эстетическим критериям, то от государства требовали бы, чтобы оно выступало в их защиту не эпизодически и не в виде реакции на исключительные случаи оскорбления эстетических чувств, как это происходит теперь. Государству пришлось бы это делать постоянно и как нечто само собой разумеющееся и выступать в качестве защитника таких целей, которые включали бы в себя эстетические соображения как важный составной элемент. Следует добавить, что подобные цели достигались бы обычно за счет некоторого ослабления промышленной экспансии, то есть в ущерб экономическому росту. Поневоле испытываешь известные колебания, когда приходится утверждать, что ради Прекрасного стоит пожертвовать некоторой долей прироста валового национального продукта; это показывает, насколько успешно удалось приспособить наши убеждения к нуждам индустриальной системы”⁵⁷.

Это пишет человек из нашего недавнего прошлого, когда роль государства в общественном мнении была несравненно выше, нежели сегодня. И все же этот исследователь тогда настаивал: „Несмотря на то что произведение искусства является формой самовыражения отдельной личности, важные отрасли искусства могут процветать только в рамках некоего организующего начала. Это условие должно обеспечиваться государством. Говоря конкретнее, живопись, скульптура и музыка, которые не находятся в сфере внимания индустриальной системы, чувствуют себя

⁵⁴ Там же. С. 97.

⁵⁵ Там же. С. 176.

⁵⁶ Там же. С. 377-378.

⁵⁷ Там же. С. 406-407.

довольно хорошо под покровительством, которое им оказывает государство. Людей необходимо учить понимать искусство и наслаждаться им...

Решающая роль принадлежит государству в области архитектуры и градостроительства. Искусство – это одно из проявлений порядка. И оно является первой жертвой беспорядка. Флоренция, Севилья, Блумсбери и Джорджтаун прекрасны потому, что в этих городах каждая часть гармонирует с целым. Современная автострада, расползающиеся во все стороны окраины любого крупного города, дорога, ведущая в город из любого аэропорта, отвратительны потому, что здесь ни одна часть не связана с общим планом. Эта гармония редко достигается – если вообще когда-нибудь достигается – без соответствующей регламентации; она всегда должна навязываться государством или общественностью".

Все это достаточно бесспорно. Однако Гэлбрейт занимает решительную позицию и по тем аспектам проблемы, которые нынче стали предметом самых ожесточенных споров. „Только наивный реформатор и тупоумный консерватор, – пишет он, – воображают, что государственный аппарат может быть использован как орудие осуществления перемен независимо от интересов и стремлений людей, из которых он состоит. Индустриальная система проталкивает свои требования и интересы с ловкостью и настойчивостью. Поскольку этим требованиям придается видимость увязки с задачами общества, действия правительственного аппарата по обслуживанию нужд индустриальной системы во многом выглядят как действия, направленные на решение общественных задач. Да и граница между индустриальной системой и государством, как мы убедились, становится все более искусственной и неразличимой. Техноструктура крупной корпорации имеет тенденцию стать ответвлением тех частей федерального государственного аппарата (в особенности военных министерств, Национального управления по авиации и исследованию космического пространства, Комиссии по атомной энергии и других учреждений, занимающихся вопросами развития техники), от которых она наиболее зависит. Она солидаризуется с задачами соответствующего государственного учреждения и приспособливает их к своим нуждам".

Более того, он требует покончить „с монополией индустриальной системы на формулирование общественных задач", предупреждая, что представители индустриальной системы не станут приветствовать подобные меры.

Проанализировав общие тенденции развития СССР и США, Гэлбрейт сделал объективный вывод о постепенном обоюдном сближении систем: „Мы видим, таким образом, что конвергенция двух как будто различных индустриальных систем происходит во всех важнейших областях. Это чрезвычайно отрадное обстоятельство. Со временем (и, пожалуй, скорее, чем можно себе представить) оно опровергнет представление о неминуемом столкновении, обусловленном непримиримым различием. Сказанное здесь о конвергенции двух систем не скоро получит всеобщее

признание. Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно. Только наиболее одержимый идеолог или самый пламенный пропагандист может цепляться за свои взгляды, сознавая, что все большее число людей считает их устаревшими. Самолюбие – это великий фактор духовного обновления.

Понимание того факта, что в ходе своего развития обе индустриальные системы сближаются, будет содействовать, надо полагать, установлению согласия относительно общей опасности, таящейся в гонке вооружений, и необходимости покончить с ней или же начать соперничать в более благотворных областях. Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность внешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее⁵⁸.

Реальная история как бы опровергла откровения американского мудреца. Однако аргументы Гэлбрейта не исчерпали себя, и конвергенция, вероятно, все равно произойдет, хотя сегодня мы уже не видим второго участника этого процесса: СССР в 1991 г. прекратил свое существование. Но удастся ли победителям построить завтрашний мир по своим придуманным шаблонам? Не опрокинут ли построенный реальные процессы, задуть которые на Западе так же сложно, как выкорчевать доверие к общим интересам в странах постсоциалистического мира?

Чем серьезнее мы анализируем все современные социологические теории, тем с большим доверием относимся к Гэлбрейту, считавшему, что развитая индустриальная система должна зависеть от государства, поскольку она вынуждена солидаризироваться с целями общества, приспосабливать их к своим нуждам. „Частное предприятие некогда трактовалось как нечто обособленное от государства по той причине, что оно было подвластно рынку и его хозяин черпал свою силу во владении частной собственностью, – говорит Гэлбрейт. – Современная корпорация уже не подвластна рынку; власть людей, управляющих ею, не зависит больше от частной собственности. В рамках преследуемых корпорацией целей они нуждаются в самостоятельности. Но эта самостоятельность вполне позволяет им действовать в тесном сотрудничестве с государственным аппаратом и, даже больше того, выполнять для него такие задачи, которые он сам по себе не в состоянии выполнять или не в состоянии выполнять столь же успешно. Поэтому при решении задач совершенствования техники индустриальная система, как мы видели, тесно смыкается с государством. Члены техноструктуры не только тесно сотрудничают со своими партнерами из государственного аппарата в деле проектирования, конструирова-

⁵⁸ Там же. С. 454-455.

ния и производства изделий, интересующих государство; они выступают также как советчики при самом определении нужд государства. Если бы это не противоречило тому, что превозносится по идеологическим соображениям, то уже давно было бы общепризнано, что грань, отделяющая ныне государственные организации от так называемых частных организаций в сфере военных поставок, исследований космического пространства и атомной энергии, настолько расплывчата, что почти незаметна⁵⁹.

Мы знаем, что любые теории этатизма имеют на Западе немало противников. Но перспективу определяют не пожелания и не замыслы, а выгоды экономической деятельности. С этой точки зрения трансформация – не просто вариант восстановления приемлемых экономических и социальных интересов, это **выбор будущего для всего мира**, так что скоропалительность и упрощенчество могут сыграть здесь злую шутку.

Преобразованный или преобразующийся после крушения СССР мир нуждается в политической защите разбуженных национальных культур, и потому нет ничего страшного или удивительного в том, что эпохе трансформации будет сопутствовать эпоха национализма, – в полном соответствии с теорией, в свое время сформулированной одним из крупнейших специалистов западной антропологии профессором Эрнстом Геллнером.

Как долго будет продолжаться этот период? Экономический и культурный рост внесут в этот процесс решающие перемены, которые, естественно, будут закреплены новыми политическими формами государственного и регионального управления.

В предисловии к русскому изданию своей книги „Наука и национализм” Э. Геллнер написал примечательные слова: „Гегель заметил, что трагедия заключается не в конфликте правого и неправого, а в конфликте правого с правым. Такова очень часто природа межэтнических конфликтов. Их участникам собственные мотивы представляются очевидными и совершенно оправданными. Увы, то же чувство переполняет сердца их оппонентов. Никакой компромисс не обойдется без слез; счастье, если он обойдется без крови”⁶⁰.

Именно наступившая эпоха трансформации, ломающая старые стереотипы представлений, по-новому поставила вопрос о необходимости совпадения „политической и национальной единицы”, что, по мнению Э.Геллнера, является сущностью национализма.

Можно условно допустить, что „национализм порождает нации, а не наоборот”⁶¹, но тогда мы должны дополнить характеристику **эпохи трансформации** ссылками на то, что объявившие о своем суверенитете государства хотят состояться как нации в большой исторической перспективе. Не всем это удастся, но это объективный процесс, в котором нет никакой политической загадки.

⁵⁹ Там же. С. 455.

⁶⁰ Геллнер Эрнст. Нации и национализм. М., 1991. С. 19.

⁶¹ Там же. С. 127.

Попытки выхолостить национальную независимость в новых, постсоветских государствах, включая Россию, предпринимаются более всего теми, кто не представляет себе подлинных нужд и болезней мира.

Возможно, я что-то неверно понял, но меня беспокоило выступление Дж. Сороса в комитете Палаты представителей по иностранным делам в Вашингтоне. Этот известный финансист и филантроп заявил, если верить сообщениям печати: „В прошлом мир и стабильность обеспечивались либо имперской властью, либо балансом сил, либо тем и другим. Сегодня нет ни того, ни другого... Что же следует делать?.. Я предлагаю объявить создание и сохранение свободных обществ одной из целей, а в случае сферы бывшего советского влияния – главной целью нашей внешней политики. Я провожу грань между сферой бывшего советского влияния и остальным миром потому, что советская система полностью разрушена и не может быть восстановлена. Но та система, что займет ее место, окажет глубочайшее влияние на ход истории и тем самым на наше собственное будущее. В других регионах мира развитие свободных обществ является лишь одной из множества задач; в бывшем Советском Союзе это задача первостепенной важности. Я считаю, что даже ядерная проблема некоторым образом подчинена этой задаче.

Говоря об открытом обществе, я имею в виду такую форму организации, которая в широком смысле может быть определена как демократия. Однако концепция открытого общества на самом деле гораздо сложнее. Она подразумевает не только демократически избранное правительство, но и общество, в котором не доминирует государство: сильное гражданское общество и верховенство закона. Правительству недостаточно быть избранным большинством населения; оно должно уважать права и мнение меньшинств. **Другими словами, я предлагаю заменить старое противопоставление коммунистических государств свободному миру противопоставлением закрытых обществ открытым**⁶² (подчеркнуто мною. – А. Д.).

Налицо попытка восстановить конфронтационную схему, от которой только-только начали отходить народы. Что это? Гипертрофированное стремление к умиротворению или завуалированная попытка нового диктата?

Все эти умозрительные фигуры ничего общего не имеют с международным правом и, кроме вреда, ничего не принесут.

Увы, Дж. Сорос не одинок в призывах к новому силовому „учительству“, никак не решающему тех целей, во имя которых можно было бы пойти на новое противостояние. „Исследования“, возбуждающие новую конфронтационность, ничего общего не имеют с наукой. Их наукообразные „рекомендации“ провоцируют западные демократии на опасный, даже самоубийственный шаг – на навязывание политических режимов освободившимся странам, что не может вызвать ничего, кроме национальной консолидации и мощного отпора.

⁶² Фемида. 1994. № 35.

Контурсы нового мира

Оправданны ли ожидания благих экономических и, стало быть, социокультурных перемен в ходе трансформации? Какие реальные факторы подтверждают наши ожидания?

Через 10-15 лет после начала трансформации все видится куда объемнее, чем через 1-2 года, горы научной литературы тех лет выглядят сегодня столь же нелепо, как знаменитая советская „женщина с веслом” в музее классической римской скульптуры.

Очевидно, что многие страны не будут торопиться принять систему „победителей” не потому, что это система „победителей”, но потому, что она не обещает им ничего, кроме новых страданий. Народы пойдут путем прагматизма, ясно понимая другое: Запад устоял в противоборстве и победил в нем в том числе и потому, что с успехом применил у себя опыт СССР, в то время как СССР оказался слишком бюрократическим, чтобы органично впитать опыт Запада.

Самое удивительное ныне то, что бывшие социалистические страны, стремясь приблизиться к Западу, обнаружили, **что этого нельзя сделать, вовсе игнорируя свой предшествующий опыт.**

Социализм в СССР и других странах был в действительности только государственным капитализмом. Но если признается влияние социализма на Запад, то, видимо, речь в данном случае идет об усвоении каких-то жизненных, а не умозрительных конструкций.

Естественность нынешнего этапа трансформации заключается, пожалуй, только в том, чтобы создать общество более здоровое и процветающее, нежели оно было. И это не только возможно, это единственно спасительно для самой западной системы.

За годы, прошедшие со времени крушения СССР, большинство в обществах реформ на собственном опыте убедились, что „рынок”, провозглашенный новой целью, не может его устроить во всех отношениях. „Рынок”, конечно, не-такой, каким его рисовали иные агитаторы в прошлом, но и не такой, каким его представляют нынешние агитаторы.

Из всех модификаций рыночного хозяйства большинство людей предпочитают ту, в которой были бы возможны такие энергичные, яркие, национально определенные натуры, как Генри Форд. Признано, что Г. Форд был уникальной личностью, олицетворявшей попытку соединения частного интереса с высоким идеалом общественного служения. Просто и ясно он выразил суть капитализма и подчеркнул путь его глобальной модификации. Жаль, что с тех пор личности такого масштаба практически не появлялись: „Каждого следовало бы поставить так, чтобы масштаб его жизни находился в должном соотношении с услугами, которые он оказывает обществу... Всякая монополия и всякая погоня за наживой – зло”⁶³.

„Фордовский капитализм” вызывает интерес, чего, увы, не в состоянии сделать нынешний реальный капитализм, – он все еще очень

⁶³ Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. М, 1989. С. 17.

далек от идеала, прочерченного Генри Фордом. Этот человек, мечтавший о достижении гармонии как таковой, требовал учета различных факторов, в том числе и чисто человеческих, зная один критерий освоения действительности: „Максимум пользы для большинства народа”⁶⁴.

В своих желаниях обновления люди пойдут не за авантюрами фантазерами типа Гайдара, а за реалистами-практиками типа Генри Форда. И это не вопрос агитации или доктрины, это вопрос истины, и в этом смысле Генри Форд был крупным ученым: „От накопления частных состояний страна не станет великой. Превращение земледельческого населения в промышленное также не способствует величию страны. Страна становится великой, если достояние ее распределяется среди возможно более широких кругов населения и наиболее справедливым образом, при осторожном и разумном развитии ее доходных источников и работоспособности народа”⁶⁵.

Новые страны не отказываются от политики реформ и не изменяют принципам рыночного хозяйства, но, как показывает опыт, каждая из них стремится выработать свою „модель” соединения общих интересов.

В. К. Петров из Института мировой экономики и международных отношений РАН считает неправомерным постановку вопроса о нынешнем переходе „от социализма к капитализму”⁶⁶. С позиции западнической логики, сейчас происходит „процесс перехода от отсталых российских экономических, политических и социальных форм к более высоким западно-европейским (к капиталистическим)”. „С почвеннической точки зрения, – продолжает В. Петров, – большевики навязали России западнический индустриально-технократический путь развития, окончившийся плачевно для страны (ее развалом и прочими неприятностями)”⁶⁷.

Однако сам В.Петров не в состоянии предложить что-либо оригинальное, он настаивает на „особом пути развития России”, делающем некорректными любые параллели с Европой.

Впрочем, в своей критике „общества потребления” он высказывает немало справедливых, хотя давно уже известных положений: *Модель общества потребления, где вещи подчиняют людей и аскетическая духовность уступает место товарному и денежному фетишизму, есть проявление современного духовного кризиса Запада*. Рыночные отношения вышли на Западе из естественных рамок и вовлекли в свою сферу массу нелегальных операций с оружием и наркотиками, с „живым товаром”, широко вторглись в отношения между полами, повлекли за собой невиданный всплеск коррупции и организованной преступности. Весь этот негатив заимствовать уже не надо.

А будет ли массовое потребление? В практическом плане распространение западной модели потребления на весь мир просто неосущест-

⁶⁴ Там же. С. 145.

⁶⁵ Там же. С. 190.

⁶⁶ Общество и экономика. 1995. № 5. С. 3.

⁶⁷ Там же. С. 4.

вимо. Уже подсчитано, что если во всем мире перейти при самых современных технологиях к „западному” уровню потребления, то невозобновляемых ресурсов Земли хватит на 3-4 месяца. Поэтому, объективно, Западу невыгодна индустриализация остальных стран и рост там внутреннего потребления. Своих природных ресурсов на Западе либо нет, либо они консервируются на будущее. Весь остальной мир включается в мировое хозяйство как источник ресурсного обеспечения западного производства и образа жизни и как рынок сбыта его готовой продукции. Конкуренция на рынках продукции с высокой степенью переработки уже предельно жестка, и появление там нового индустриального гиганта типа России может иметь весьма непредвиденные последствия для многих стран.

В варианте частнохозяйственного открытого рыночного развития Россию в самом лучшем случае ждет судьба таких „новых индустриальных” стран, как Индия или Бразилия. Более сильный иностранный капитал создает островки производств с высокой технологией, нужных не стране, а мировому рынку, между которыми образуется море натурального и полунатурального хозяйства, ничем с ними не связанного. При этом вряд ли иностранный капитал будет думать о национальных или социальных проблемах России. Но в Индии и Бразилии климат и социальная психология другие, там могут терпеть миллионы бездомных и нищих, отстрел беспризорных детей на улице и т. п. А учитывая обостренное чувство справедливости, коллективистский дух соборности и государственную традицию в России, можно смело предположить, что этот вариант для России не пригоден.

Итак, ни аскетический капитализм, ни общество массового потребления для России не подходят. Вообще ставить вопрос, как обычно предлагают: либо капитализм (западный вариант), либо социализм (российский вариант) – неправомерно... Нет эволюции, синтеза, то есть умения отбирать все положительные свойства разных моделей, включая свою собственную, отбрасывая все отрицательные характеристики (на языке социально-экономических теорий это называется конвергенцией) (подчеркнуто мною.– Л. Д.). Запад давно развивается в режиме конвергенции, заимствуя у России все ему нужное и полезное. Достаточно вспомнить Великую Депрессию 1929-1933 гг., крах либерального капитализма и внедрение государственного регулирования во многих странах. А теоретик этого регулирования Дж. Кейнс побывал в те годы в Госплане СССР! Мы же теперь восторженно принимаем то, что давно не работает на Западе или работает в сильно модифицированном виде”⁶⁸.

Конечный вывод В.Петрова мог „бы послужить основой для выработки практической политики: „Снова государственная инициатива, но не самодурство власти, а сбалансированная программа инвестиций, отражающая реальные интересы человека, общества, регионов,

⁶⁸ Там же. С. 8-9.

экологии, то есть направленная на повышение качества жизни. В этом случае важно определить инвестиционную стратегию на макроуровне, выделить круг приоритетных отраслей по критериям ресурсобеспеченности, экономической и экологической безопасности, технологического потенциала и занятости и т. д. Надо иметь в виду, что состояние окружающей среды в России близко к катастрофическому. В 1993 г. по официальным данным в воздух было выброшено 24,8 т загрязняющих веществ, в водоемы спущено 27,24 млрд. куб. м жидких отходов, площадь зараженной земли составила на 1.01.1994 г. 1294 тыс. га. **Какой частный капитал в России может решить эти глобальные проблемы? Он может все вырыть, слить и уйти на Бермуды.** В приоритетных секторах надо создать благоприятные инвестиционные условия посредством налоговой, амортизационной, кредитной и внешнеэкономической политики, имея в виду в том числе широкое привлечение иностранного частного капитала. Необходимо также провести инвентаризацию всей машиностроительной базы, оценить ее способность наполнить реальным содержанием денежные потоки.

Если иностранный капитал не захочет участвовать в такой реиндустриализации России, а своей технической базы будет недостаточно, то придется прибегнуть к известной в России „мобилизационной” модели экономического развития, означающей в данном случае, что экономика становится полузакрытой. Запрещается экспорт капитала, большая часть дохода от экспорта идет на импорт оборудования и технологий для инвестиций в экологически чистое производство потребительских товаров, оснащение агропрома, модернизацию инвестиционного и топливно-энергетического комплексов. Это, по сути, новый путь по сбалансированному развитию всей страны, с использованием рыночных отношений и сильных сторон как системы частного предпринимательства, так и государственного макроэкономического регулирования (подчеркнуто мною. – А. Д.). Критерий прибыльности остается основным на микроуровне, но государство направляет частную инициативу на повышение прежде всего качества жизни, препятствуя нанесению вреда окружающей среде и человеку хищнической эксплуатацией ресурсов.

При этом *речь идет о принципиально ином характере государства, где бюрократия из правящего класса превращается в обычный профессиональный слой, служащий интересам всего общества.* Задача архисложная, учитывая неразвитость гражданского общества и правового государства в России, но иного не дано. Иначе – опять диктатура бюрократии под любым идеологическим оформлением. Россия этого уже больше физически не выдержит, так как по данным Всемирной организации здравоохранения население бывшего СССР подошло к опасной черте и физиологически. Сложный интегральный коэффициент его жизнестойкости на 1.01.1992г. составил 1,4 по пятибалльной системе

при нижнем пределе (нация обречена) в 1.0 (Буркина-Фасо – бывшая Верхняя Вольта)⁶⁹.

Очевидно, что постсоветским странам было бы эффективнее (даже с точки зрения широкой оценки геополитических интересов Запада) найти пути к **саморазвивающемуся гражданскому обществу**. Но где взять нового пророка, который бы не просто указал путь, но установил бы его необходимость, опираясь на новую философию?

Было бы полезно самостоятельно исследовать вопрос о том, как воспринимает процесс трансформации сам Запад – не его идеологи, остающиеся „зарезервированными“ и непроницаемыми даже для своих сограждан, а практики, реализующие отдельные программы.

Некоторые исследователи утверждают, что нет никаких надежд реально повлиять на избранный курс, подвергнув его объективному анализу: подобно старой коммунистической элите, новые „водители“ также пребывают ныне в густом тумане собственных трафаретов и скорее всего не согласятся признать перемены в мире до тех пор, пока не обрушится мир. Не берусь ни подтверждать, ни опровергать это мнение, тем более, что трансформация играет большую роль в глобальной стратегии Запада. Как считает Юрий Бошик, сотрудник Международного института развития менеджмента (Лозанна), „наибольшие споры вызывает концепция „единой Европы“ от Атлантики до Урала и выбор приоритетного направления в углублении или расширении интеграции. Недавно было выдвинуто предложение о создании континентального „Общего рынка“ с участием сорока стран. Вполне вероятно, что к 2050 г. может сформироваться рынок, объединяющий около 50 стран с населением более 800 млн. человек”⁷⁰.

Специалисты Лозаннского центра глобальных исследований обычно точно намечают перспективы развития.

Средние политические и экономические круги Запада воспринимают трансформацию несколько упрощенно: понимают, что затеяно большое дело, которое пока не приносит желаемого эффекта. Эти люди ретиво выполняют все программы „сотрудничества“ и „помощи“, не лишая себя удовольствия позабавиться над теми или иными нелепостями.

Йорг Метке пишет в германском журнале „Шпигель“ (цитирую по еженедельнику „За рубежом“): „Сейчас теневая экономика в виде свободного рынка стала официально функционирующей системой. Прослойка бывших спекулянтов вкупе с ловкими функционерами и предприимчивыми дельцами всех мастей, поспешившими сменить профессию, превращается в господствующий класс – класс новой буржуазии, класс маклеров и рвачей”.

Наблюдательный немец фиксирует очень точные детали: „То, что реформаторы России выдают за произвольное движение души русского коммерсанта, выразившееся в появлении сотен тысяч граждан на

⁶⁹ Там же. С. 9-10.

⁷⁰ Проблемы теории и практики управления. 1992. № 4. С. 6.

официально разрешенных барахолках, на самом деле представляет собой продажу последнего добра, не очень нужного для выживания. Это лишь сброс лишней поклажи на пути в нищету „третьего мира”. Немецкие экономисты, которым боннское министерство экономики поручило изучить реформы в России, охарактеризовали обнищание народа при бывшем коммунисте Борисе Ельцине очень скромно – „постепенное избавление от „сбережений”. Но вскоре резервы сбережения и домашние запасы иссякнут окончательно. И тогда наступит абсолютная нищета.

Как дым рассеялись связывавшиеся с перестройкой надежды на то, что с ликвидацией монополии одной политической партии, с устранением изоляции от Запада можно будет вскоре приблизиться к жизненному уровню немцев, датчан, финнов или французов.

Я задерживаю внимание читателя на ситуации в России столь подробно потому, что она наиболее выпукло отражает то, что можно наблюдать повсюду в трансформирующемся мире, но более всего, конечно, в странах СНГ.

Может быть, несколько сгущая краски и выделяя не самое существенное, Йорг Метке так изображает путь к богатству новых денежных тузов: „Корруптированное советское руководство десятилетиями приучало народ к мысли, что хлеб для России выращивается в Северной Америке и может быть легко оплачен нефтью или золотом. Неудивительно, что клика торгашей, сросшаяся с преступным миром и бюрократией, действует таким же методом.

Принцип этот очень прост: с помощью купленных лицензий и подкупленных государственных служащих за границу сбываются сырье, оружие, антиквариат, станки, технологии. Валютная выручка или сразу же поступает на счета в зарубежных банках, или используется для закупки в дешевых странах потребительских товаров, которые затем поступают в Россию через дырявые границы СНГ”⁷¹.

Что же получается в итоге? Взаимное надувательство с непредсказуемым финалом. И напрасно тешат себя лидеры западного мира мыслью, что главное было – сокрушить „коммунистический Советский Союз”. СССР сокрушен, но на его месте не складывается структура, которая была бы родственной структурам Запада. Она позволяет грабить и торжествовать, но не дает чувства уверенности, не представляет собою геополитический оплот, потому что народное большинство ничего не получило от перемен, а перемены меньшинства не легитимны. „Исчезло министерство электротехнической промышленности. Вместо него возникли и вышли на мнимый рынок, представляющий собой теневую государственную экономику, концерны и ассоциации с такими красивыми названиями, как „Росэлпром” или „Электросветотехника”.

Совместными усилиями они организовали „биржу” в здании бывшего министерства, в пяти минутах ходьбы от Кремля. Бывшие мини-

⁷¹ За рубежом. 1993. № 2. С. 7.

стерские сотрудники сдали здание в аренду самим себе за **9 тыс. рублей в год, на эти деньги сейчас нельзя купить даже мужской костюм**. Вооружившись новыми визитными карточками, они „торгуют” между собой, положив себе жалованье „частных предпринимателей”: бывший министр возглавляет все дело, его заместитель стал президентом биржи, а бывшие начальники отделов выступают в роли маклеров от предприятий, находящихся в их ведении.

Американское сыскное агентство, по поручению российского правительства занимавшееся (безуспешно) розыском партийных денег, обнаружило миллионы долларов, которые российские предприятия нелегально держат в западных банках. Соответствующие материалы уже трижды исчезали на пути к прокурору.

С некоторых пор проправительственные средства массовой информации всячески салютуют свободе предпринимательства. Тут и рекламные ролики („обогащайтесь, будьте самостоятельны”), и викторины, на которых награждают призами самых талантливых из новоявленных менеджеров, и регулярные газетные колонки, авторами которых выступают „звезды”...

„Нью-Йорк тайме” и „Бизнес-уик” стали издаваться и на русском языке. „Москоу тайме”, газета с долевым участием голландцев, поддерживает в состоянии постоянной мобильности всю иностранную колонию в Москве, обещая „совместными усилиями войти в историю”. Заплатив 400 долларов в виде учредительного взноса, можно рассчитывать „на приглашение на торжественный обед в кругу крупных русских деятелей”. Но они, как замечает представитель немецкого концерна, „и понятия не имеют, что такое рыночное хозяйство. Они лишь пользуются игрушечной копией чужой системы, любят ее плоды, но ненавидят ее диктат”⁷².

Потрясающе точные детали! И они не имеют никакого отношения к „особенностям мистической русской души”, будто бы ограничивающейся лишь поверхностным усвоением чужого опыта.

Запад содействовал вызреванию и прорыву гнойника, некоего паразитарного образования на государственном организме. Хорошо, если бациллы этой паразитарности не опасны для западных структур, переживших немало рецидивов паразитарности. А если это приведет к эпидемии?

Конечно, направление развития России – это прежде всего дело России. Но мне кажется странным, что Запад как-то уж очень холоден к практическому успеху трансформации, слишком эгоистичен, слишком одноцветно оценивает происходящие перемены.

Более того, в последнее время сама поддержка трансформационных процессов стала едва ли не предметом для политических игр и странного лоббизма.

Разделение государств, вступивших на путь трансформации, на группы „любимчиков” и „отверженных” – это, вероятно, уже опреде-

⁷² За рубежом. 1993. № 2. С. 7.

лившаяся тенденция. Досадно, что важнейшее историческое событие подвергается влияниям, в которых можно найти все, что угодно, **кроме желания использовать трансформацию не только во благо народам, сделавшим новый выбор, но и во благо всему человечеству.**

Иные политики хотели бы устроить между трансформирующимися странами этакое соревнование, кто быстрее добежит до воображаемой отметки. „Судьями здесь являются западные и отечественные инвесторы и их решения предоставить или не предоставить капитал“, – отметил в „Уолл стрит джорнэл“ весной 1994 г. Т. Рот.

За всем этим стоит естественная для капитализма (и для „пост-капиталистической“ его фазы) борьба каждого за свои собственные интересы. Дело в том, что любое повышение уровня жизни в бедных странах **в реальных условиях** нынешнего мирохозяйства не может не поставить под вопрос уровень жизни в богатых странах.

Но пока положение не меняется, индустриальные страны наводнены сырьем и дешевыми промышленными товарами, в том числе и из трансформирующихся стран. Более того, они предпочитают размещать производство в странах с низкой стоимостью рабочей силы или „арендуют“ интеллектуалов из стран с переходной экономикой. Ряд крупнейших западных компаний, производящих высокотехнологичные изделия, почти целиком опираются на разработки русских, польских и других ученых.

Волна приватизации по всему миру позволяет избыточному капиталу западных гигантов приобретать дополнительную собственность по самым выгодным ценам. Чиновники, приватизирующие целые отрасли промышленности, в накладе не остаются, это и питает „процесс углубления приватизации“.

Но знают ли инициаторы этих процессов, чем они завершатся? Растет цена социальных программ, размываются зависимости, которые считались классическими. Издержки на рабочую силу уже представляют собой лишь один из факторов „в сложном международном уравнении“, как говорит Барри Рэнд, исполнительный вице-президент компании „Ксерокс“⁷³.

Кажется, процесс трансформации рассматривается все большим числом западных участников как временное решение, некоторая передышка в общем состязании за рынки сбыта и прибыль.

Это противоречие будет, конечно, разрешено, но не потеряем ли все мы вновь самые благоприятные шансы?

Заключение

В то время как по всему миру, то обостряясь, то ослабевая, идут эволюционные процессы, на обширном пространстве государств бывшего социалистического лагеря проходят процессы трансформации, целе-

⁷³ Компас. 1993. № 135. С. 34.

направленной смены основ социально-экономического быта. Все чаще говорят о том, что нет больше такого единого образования, как „Восточная Европа”, а есть регионы, существенно различающиеся по уровню развития.

В модернизации и развитии правительства видят единственную надежду разрешить нарастающие проблемы. Вместе с тем очевидно, что всем странам придется сообща и одновременно решать еще другую, не менее важную задачу: участвовать в выработке механизма согласования активной деятельности человечества с возможностями биосферы планеты.

Еще на первом, самом драматическом этапе трансформации академик Н. Н. Моисеев отметил: „Формирование и реализация любой стратегии активной деятельности людей, а тем более общечеловеческого масштаба, требуют направленности действий каждого человека, концентрации усилий людей, что неизбежно приводит к системе запретов, регламентации их поведения и действий. Наша жизнь оказывается стесненной определенными рамками (дисциплиной). Эта регламентация означает утверждение некоторых принципов новой нравственности: то, что было допустимо в прошлом, уже недопустимо сегодня. Подобные ограничения естественно назвать нравственным императивом.

Итак, императив экологический неизбежно порождает императив нравственный, который необходимо конкретизировать и которому предстоит утвердиться в общественном сознании.

Будущность Человека, будущность биологического вида *homo sapiens* в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы окажемся в состоянии понять и усвоить содержание нравственного императива и насколько Человек будет способен принять его и следовать ему, подчиняя свою индивидуальность определенной общественной необходимости”⁷⁴.

Бурные перемены в политической, экономической и социальной сфере во многом по-новому ставят вопрос о перспективах общемировой интеграции и регионализации, в частности, европейской.

Трудно сказать, как сложатся судьбы национального государства в XXI веке. Многие идеи де Голля, как и идеи других государственников, по всей видимости, не только не погибнут в котле трансформации, но приобретут новую окраску и новый вид.

Стремление регионов к большей самостоятельности выражает, на мой взгляд, объективный внутригосударственный (прежде всего) процесс, который не безразличен к содержанию трансформационных перемен.

Вопрос здесь заключается в следующем: какие новые шансы европейское интеграционное движение может предложить новым государствам? Какие новые возможности открываются перед „Европой регионов” в связи с процессом трансформации?

Известно, что в последние годы начала проводиться активная региональная политика на наднациональном уровне. Это дело не одного

⁷⁴ Социально-политический журнал. 1993. № 9-10. С. 98-99.

десятка лет. А пока регионы имеют очень разную экономическую „силу“, и бедные попадают в зависимое положение, выступая в роли просителей и перед ЕС, и перед своим центральным правительством⁷⁵.

И. М. Бусыгина, изучавшая проблемы регионализации в Европе, высказывает некоторые пожелания (или опасения), которые имеют самое непосредственное значение для трансформирующихся стран. Что для них новые региональные и новые интеграционные связи – благо или новая беда?

„Очевидно, именно бедные периферийные районы Сообщества должны в первую очередь получить большую независимость в принятии политических решений и возможность контролировать достаточные финансовые средства. Это поможет им ускорить темпы экономического развития и сделать его более автономным от центра и богатых передовых районов.

По мере завершения создания единого внутреннего рынка из-за резкого усиления конкуренции региональные диспропорции, вероятно, будут иметь тенденцию к обострению. Преимущества экономической интеграции идут на пользу в первую очередь передовым, процветающим районам. В то же время создание единого рынка может породить новые виды экономической периферии. Эволюционные процессы не бывают справедливыми.

Жертвами создания единого внутреннего рынка будут слабоконкурентоспособные районы, хотя, естественно, могут быть и исключения. Некоторые районы могут получить новые возможности для ускорения своего развития в более открытой экономике Сообщества, при более либеральном еврорежиме. Другие районы, напротив, могут понести сильные потери...”⁷⁶

К положительным сторонам экономической системы Запада (пока) следует отнести способность заблаговременно реагировать на возникающие угрозы. Еще бы, ведь речь идет о прибылях, о положении нации. Так, даже Япония, удивившая весь мир своим экономическим взлетом, обнаружив в начале 90-х годов, что она теряет по показателям производительности труда (7 место среди наиболее развитых стран Запада), намерена бросить вызов сложившейся экономической системе, возможно, не останавливаясь перед разрушением сложившейся традиции пожизненного найма рабочей силы. Усилится, вероятно, и специализация производства, большие перемены произойдут в кадровой политике, труд управленцев будет еще более увязан с достижением конечных результатов.

В своей работе я процитировал многих выдающихся авторов, изложил десятки различных соображений по самым разным проблемам, чтобы, в конце концов, сделать весьма простой и определенный вывод. Он не потрясет читателя, потому что читатель уже усвоил все аргументы,

⁷⁵ МЭ и МО. 1993. № 9. С. 84.

⁷⁶ Там же. С. 85.

необходимые для такого вывода: **процесс трансформации, начатый по единым шаблонам, в течение последних лет приобретает практически в каждой стране свои особенности, в каждой из стран образуется свой вариант рыночной экономики.** Этот процесс обладает столь значительным потенциалом и оказывает столь существенное влияние на общемировую ситуацию (идет незаметный процесс количественного накопления перемен), что я не исключаю появления принципиально новых решений, которые соединят политические устремления мировой экономики Запада с национальными нуждами реформируемых обществ Востока.

Издавна желанная для западных политиков трансформация „социалистического мира” вряд ли существенно укрепила основы западного общества. Напротив, мне кажется, что она приведет к обострению его проблем, потому что Запад должен поступиться частью своих интересов, чтобы образовать „новый мировой порядок”. Запад уже не может дистанцироваться от процесса перемен в Центральной и Восточной Европе, тем более что и сам все более подвержен пока не ясной, но мощной исторической тектонике. Однако желание пойти навстречу все еще недостаточно, чтобы трансформация приобрела характер не болезненной операции, а нормального естественного процесса.

Прошедший исторический период обогатил нас новым опытом политического и социально-экономического управления. Все мы в гораздо большей степени, чем прежде, осознали возможность технологического конструирования будущего общественных систем. Для этого есть теперь многие необходимые условия.

Это, во-первых, это сдержанность и осторожность в принятии общенациональных решений, „глобальных” подходов, способность постоянно просчитывать верность курса и корректировать его, исходя из социального самочувствия тех, кто на своих плечах выдерживает всю тяжесть эксперимента. При этом важную роль получает постоянная и достоверная информация об общественных явлениях.

Во-вторых, это ясное понимание имеющихся наличных ресурсов. Одно дело – строить планы в СССР и совсем другое – в Белоруссии. Но речь идет о ресурсах не только природных, но также и социальных. Владеть этими ресурсами – это точно знать количественное и качественное состояние этих ресурсов (стратификация, интересы, уровень образования, материальное положение, региональные особенности и т.п.) и постоянно влиять на их развитие. Это, разумеется, гораздо более широкий вопрос, нежели вопрос работы с кадрами, который является лишь составной частью указанной проблемы.

В-третьих, это разработка идеальных представлений. Национальное общество должно иметь разработанный идеал, который бы соответствовал его истории и принимался бы большинством. Новые силовые методы закрепления навязанного идеала ничем положительным не оканчатся, мы это „уже проходили”. Следует постоянно сравнивать достигнутое

в стране с идеалами, но также и с достижениями других стран, не поддаваясь искушениям приукрашивания и лакировки действительности.

При этом – и это тоже достояние опыта последнего десятилетия – следует очень сбалансированно оценивать достижения той или иной страны, того или иного типа цивилизации. Статистику нельзя превращать в служанку идеологических схем, чтобы не оторваться от действительности. Только обстоятельный научный анализ позволяет делать выводы о тех или иных преимуществах и недостатках. Цена каждого „достижения“, социальная и моральная плата за него в настоящем и будущем, – эта проблема не должна ускользать от внимания исследователя.

Может быть, к главному приобретению опыта трансформации следует отнести осознание значения **искусства управления на всех уровнях государственной и общественной жизни**. Об этом искусстве говорилось и писалось немало и в прошлые времена, но практически считалось, что руководство КПСС таким искусством владеет априори, что было опасным невежеством, предопределившим крушение народных ожиданий.

Проблема управления приобрела на нынешнем этапе исторического развития сквозной характер, то есть стратегические задачи нации не могут быть решены при удачном формировании одного лишь высшего ареопага власти, – адекватными возможностями должны располагать каждая территория, каждый трудовой коллектив, каждое звено управленческого аппарата.

Необходимо признать, что больших традиций успешного управления страны СНГ, к сожалению, еще пока не накопили, вследствие чего – даже при наличии такого народного качества, как трудолюбие и выносливость – в них не сформировано или не закреплено в традицию чувство долга, порядка, дисциплины, которое, положим, в Германии воспитывалось на протяжении веков и дало свои благодатные плоды.

Все, вместе взятое, позволяет сделать однозначный вывод о том, что жизнь общества требует применения в социальных технологиях высшего из достигнутого в мире уровня познания. Знание не может оставаться достоянием ораторских речей и публикуемых брошюр и, вероятно, первейшей обязанностью власти является **именно разработка технологий реализации достигнутых знаний в повседневной практике государственной и общественной жизни**. Разумеется, подчиняя весь процесс решению реальных задач жизни нации.

Увы, ныне ни одна из стран Восточной Европы и СНГ уже не входит в категорию промышленно развитых стран, а реальная ситуация с положением в сфере социального быта выглядит просто плачевно.

Все это ставит сотни новых вопросов, и не только простыми тружениками в новых государствах, но и научной мыслью, которая не находит в противоречивых условиях рычагов даже для простейшего восстановления ситуации на основе рекламируемых подходов. Одни называют рынок „формой оккупации победившего блока“, другие утверждают, что рынок – это „заря нового процветания“. Но рынок – это всего лишь общие правила

игры, установленные для всего человечества. Сами по себе они не решают проблем, и благоденствие у одних все более повисает над бездной хаоса у других.

Только недавно правящие круги Запада, несколько отойдя от эйфории, начали осознавать свою ответственность за судьбу системы, которая может не оправдать связываемых с нею надежд. Реальный выход – в новом перераспределении мирового рынка, но на это вряд ли отважатся правительства государств – законодателей политической моды.

Пройдя все круги нынешних перемен, убедившись в том, что возможности отнюдь не всегда готовы воплотиться в реальность, я склонен разделить ту точку зрения, что **на передний план цивилизации выдвигаются проблемы разработки более плодотворной технологии управления социально-экономическими процессами**, чем это имеет место сегодня. Важно при этом, чтобы технологии отражали не умозрительные, своевольные установки верхов, не технические интересы обслуживающих государственную машину управленцев, а конкретные потребности конкретных тружеников, создающих реальные ценности.

То, что мы наблюдаем сегодня во многих странах, называя это трансформацией, – пока единственный в истории случай, когда большая группа стран пытается воспроизвести на своих территориях социально-культурный опыт других стран.

Совершенно ясно, что это удастся им только и исключительно при тех обстоятельствах, если трансформирующиеся страны сумеют стать деятельными участниками адекватной мировой социокультурной среды, в противном случае внутреннее несоответствие перемен рано или поздно взорвет их или существенно переменит их природу, инкорпорировав по необходимости и предыдущий социально-культурный опыт.

„Естественный” эгоизм гегемонистской группы стран как раз более всего препятствует вращению экономик и обществ трансформирующихся стран в мировую систему, поскольку предполагает освобождение кое-каких занятых ими ниш.

Все это неизбежно поведет к новому обострению общего положения.

Таким образом, „социальной матрицы перемен” в процессе трансформации еще не создано, необходимый опыт накапливается, но высшие достижения этого опыта пока недоступны нашей нынешней методике исследования.

Наконец, мы должны четко представлять себе роль и место трансформирующихся обществ в системе мировых политических и экономических связей, в частности, в системе европейской регионализации.

Смыслом моей работы был поиск максимально возможной гармонии социально-экономического прогресса, может быть, новой гармонии. За время общения с исследователями и их работами я еще раз убедился в том, что **народам нельзя навязывать формы быта, которые естественно не вытекают из его традиций. Всякая революция прекрасна**

только тогда, когда опирается на потребности в развитии, сформированные опытом истории.

Трансформация стала почти заурядной приметой современности. Придет время, и она будет не вокруг нас и не впереди, а позади нас. Сколько многое мы увидим новыми глазами!

Вероятно, трансформация в целом – это определенный выход из того сформированного политиками тупика, который возник со второй половины XX века. Но никто не знает, в какие формы выльется этот процесс.

Человек, который верит, способен созидать. Самые конструктивные идеи будут рождены опытом. Может быть, это и не льстит самолюбию ученых, но это еще раз говорит о том, что творцы действительности – не ученые. И не политики, конечно, хотя роль политики в нынешнем мире несоразмерно возросла.

Практика рождает лидеров, которым по плечу задачи трансформации, представляющиеся ныне слишком сложными и порой неразрешимыми. Каждый новый камень, заложенный новыми лидерами в фундамент нового мира, будет расширять круг их сторонников, умножать их силы. Были бы их идеи верны исторической правде.

Крушение Советского Союза вывело мир из равновесия. Восстановить его, как восстанавливают положение на шахматной доске, конечно же, не удастся. Но равновесие будет достигнуто через трансформационный процесс, которого жаждал западный политический мир, – теперь он предопределит и лицо самого Запада.

Джеймс Цанден в своем пособии по социологии приводит пример поведения в палате пациентов, которым сделана операция на сердце. У всех общие жалобы и общая цель⁷⁷.

Это довольно точный образ для современного человечества, которое втянулось в один процесс – „операцию”, ее делает над всеми истощенная внешняя среда.

Если нежелателен новый взрыв, то, вероятно, разумно допустить возможность новых комбинаций и компромиссов.

В конце концов, все зависит от того, какую геополитическую роль будут играть страны трансформационного пространства в XXI веке.

А.Н. ДАНИЛОВ

Prof. dr hab., Katedra Socjologii, Uniwersytet Białoruski w Mińsku, członek Białoruskiej Akademii Nauk, Białoruś

⁷⁷ James W. Vander Zanden. Sociology. The Core (Second Edition), Ohio State University. 1990. Н. 374.